

ОЛЬГА ЛИ

ЗЛОДЕЙКА
ОТОМСТИТ.

ТВОЯ ОЧЕРЕДЬ, ДРАКОН!

Ольга Ли

**Злодейка отомстит.
Твоя очередь, дракон!**

«Литнет»

2025

Ли О.

Злодейка отомстит. Твоя очередь, дракон! / О. Ли — «Литнет», 2025

♥#НОВИНКАТёмная сказка о женщине, которая выбирает себя.

Всепрощальницы - мимо! Я была майором ФСБ под прикрытием, пока меня не убила собственная сестра-сектантка. «Ты вознесёшься», — сказала она и вонзила в меня нож. И я вознеслась, да только вместо райских кущ оказалась в теле Мальяны в мире драконов и магии. Её тоже предала сестра — опоила и подставила накануне свадьбы с любимым лордом-драконом. Теперь я злодейка, опозоренная, лишённая силы, обречённая на изгнание. Пусть так, зато жива! Но я заключила сделку с душой Мальяны: новая жизнь в обмен на то, что найду всех виновных в её позоре и отомщу... Я сделаю, что обещала, даже если чужое сердце разрывается от любви к бывшему жениху... ***Вас ждут:* Дракон-предатель* Сильная героиня, она же попаданка с характером* От любви до ненависти* От ненависти до любви* Тайный Орден* Настоящая злодейка, а не мамкина размазня!* Беспощадная месть* ХЭ, но с кем... узнаете только в конце Вас размотает, гарантирую!*Однотомник, читать самостоятельно. Книга участвует в литмобе 18+ «Сестра- злодейка», все книги здесь -

© Ли О., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Золотые глаза умеют лгать	5
Тот самый Теон	10
Та самая Эйра	11
Глава 2. Ты вознесёшься!	12
Глава 3. Отдашь силу	16
Глава 4. Сделка	22
Глава 5. Внедрение	26
Глава 6. Дорога начинается	35
Глава 7. Дорога продолжается	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Глава 1. Золотые глаза умеют лгать

Мальяна

Какой-то шум прерывает сон, я открываю глаза и первое, что вижу, — тусклый серый свет, пробивающийся сквозь тяжёлые бархатные шторы моей комнаты.

«Уже светает? Драконья мать, я что, проспала? Почему меня не разбудила Мэй? У меня же свадьба, я должна...» — пытаюсь пошевелиться, но тело словно чужое, а голова гудит так, как будто я выпила вчера целый кувшин вина, а не скромный бокал, чтобы отпраздновать последний вечер незамужней жизни. Что-то неприятно липнет между ног. Опускаю взгляд и замираю...

Кровь, бурые пятна на коже ни с чем не спутать.

«Но... откуда?! Я же не девственница... Что происходит?»

Вижу мужскую руку у себя на бедре, вздрагиваю.

Это же Стин, мой страж, мой друг детства. Но почему он... такой же голый, как и я? И почему его рука касается меня так... словно между нами что-то было и он имеет право находиться здесь в таком виде, рядом с дочерью своего господина.

«Нет. Нет-нет-нет, это невозможно!» — пытаюсь отстраниться, но гул в голове становится нестерпимым, а тело пронзает тысячей прострелов.

Шум становится громче: скрипит дверь, раздаются голоса, и я едва слышу их сквозь адский гул и панику в голове.

На пороге стоят мама, Бойран и Эйра. За ними мнётся свита в праздничных одеждах: музыканты с лютнями, слуги с подносами, уставленными фруктами и мёдом, чтобы жизнь молодых была сладкой... Только внутри растекается холодная ясность, что сладким уже ничего не будет...

Потому что позади всех стоит Теон.

Как и полагается знатному лорду-дракону, в церемониальном костюме, с эполетами, ошеломительно-красивый, похожий на принца из сказки, который пришёл за мной по старой традиции рода, чтобы разбудить невесту на рассвете, произнести свою часть клятв здесь, в её покоях, а потом отвести на публичную церемонию и повторить.

Сердце проваливается в ледяную пропасть.

— Мальяна, как ты могла?! — голос отчима обрушивается сверху, как удар кнутом.

Я пытаюсь встать, ищу глаза Теона, надеюсь, что он защитит, прикроет, поможет распутать этот клубок обмана. Поднимаю голову, огненный цветок боли вспыхивает с такой силой, что из глаз только что искры не летят. И лучше бы они не видели того, что видят: его глаза полны тёмного гнева — драконьи, с вертикальными зрачками и вспышками золота. Ещё вчера эти глаза были тёплыми, любящими и смотрели на меня с таким жаром, что хотелось раствориться в них. Сейчас же в них сквозит лютый холод: мой любимый, мой жених смотрит на меня так, словно я — грязь.

— Теон...

— Распутница! — Бойран гневно прерывает мою робкую попытку достучаться до любимого, делает шаг ко мне, тычет перстами, и я вздрагиваю, увидев, как лицо отчима перекошено от ярости. — Как ты посмела? И с кем? С собственным стражем!

Оглядываюсь, силюсь понять, что же произошло...

Но ответа нет, а в углу на манекене всё так же висит моё свадебное платье — белоснежное, расшитое жемчугом, похожее на немой укор.

— Прямо в день свадьбы! — брызжет слюной Бойран, и каждое слово вбивается в кожу раскалённым железом. — После того, как вчера принесла клятву верности перед алтарём в домашней часовне...

— Я... я ничего не сделала, — голос срывается, горло сжато страхом. Хватаюсь за одеяло, пытаюсь прикрыться, но руки дрожат так сильно, что ткань выскальзывает. — Стин... скажи, что это не так! Скажи! Это же я... Малли!

Старое детское прозвище, которым друг называл меня, когда мне было десять, а ему четырнадцать, и он учил меня держать деревянный меч, вырывается само собой.

Стин поднимается на локте, ничуть не стесняясь наготы, а вот в глаза мне посмотреть не может, отводит взгляд. По коже пробегает холодок, и я чувствую, что сейчас на меня обрушится бездна.

— Но, миледи, — его голос глухой, но твёрдый. — Вы всё сделали, и сделали сами... Я бы никогда не осмелился, но вы... были настойчивы. Сразу после полуночи, едва ушла леди Эйра, вы попросили меня войти, сказали, что вам страшно, мол, что-то шумит за окном. Я вошёл, проверил, а вы обняли меня, сказали: «Стин, я люблю тебя, всегда любила. Хочу быть твоей хоть раз».

— Неправда... — шепчу одними губами, — такого не было, что ты такое говоришь...

— Я... простите, но я не смог отказаться, — он запинаясь, но говорит уверенно, так, словно репетировал много раз и его не остановить, он скажет всё, что должно. — Я ведь всю жизнь люблю вас, столько ждал знака... А вы лишь намекали... Но дальше слов не заходило, а тут... — и он нежно прикасается к моему оголённому плечу.

Кажется, я не могу дышать. Мир рушится от этой чудовищной лжи, приправленной кровью на простыне, которой не должно быть, да голым стражником, по совместительству другом детства в моей постели.

— Зачем ты врёшь? — я отпихиваю его руку, всё во мне протестует против этих прикосновений, и я даже могу говорить, хоть слова и застревают в горле.

Он молчит, но главное уже сказано да так убедительно, с такими деталями: «полночь... шум... зашёл проверить...», что я ни на секунду не сомневаюсь: ему верят.

Музыканты переглядываются, слуги с подносами замерли, впитывают каждое слово, чтобы не пропустить скандал года. Понимаю, что гадкие, грязные сплетни разнесутся по всему замку и городу к полудню. Так и слышу шепотки: «Невеста дракона, да ещё со своим стражем. Да в день свадьбы. Да-да, прямо перед тем, как лорд-дракон пришёл за ней».

— Нет! — я едва могу говорить, но говорю: — Стин, что ты говоришь?! Я легла спать! Я даже не помню, как... Крови не могло быть, Теон, милый, ты же знаешь...

Смотрю только на любимого, на жениха-дракона, ведь он знает, он мой... первый и единственный мужчина. Моё всё, больше, чем свет солнца и воздух.

Вглядываюсь в его бездонные очи и молю взглядом: «Скажи им, защити меня. Ты же знаешь: всё это ложь. Ты был со мной, сам видел кровь... Сам шептал, что не можешь жить без меня...»

Воспоминание вспыхивает, острое и яркое: два дня назад за дальним углом сада, где растут старые дубы, Теон шепчет заклинание, и вокруг нас поднимается невидимый купол, воздух мерцает, искажается. Я смеюсь, когда он прижимает меня к шершавой коре дерева, его жадные, горячие руки уже задирают подол платья.

— Кто-нибудь может увидеть, — шепчу, а сама обхватываю его плечи, притягиваю к себе.

— Никто не увидит, — его голос низкий, хриплый от желания. — Обещаю... моя девочка, ты уже вся мокрая... — и он входит в меня, сладко и резко. Закусываю губу, чтобы не застонать слишком громко от этого запретного удовольствия, жар драконьей крови обжигает изнутри, золотые глаза любимого смотрят в мои, и в них всё: страсть, нежность, обещание.

— Моя... — шепчет он жарко и дышит в шею. — Скоро ты станешь моей женой и перед людьми и я смогу брать тебя, когда захочу. Какая всем разница, осталось всего два дня...

— Да-да-да, — задыхаюсь в ответ, притягиваю любимого, хотя ближе уже некуда.

После, когда удовольствие достигает пика, он помогает мне поправить платье, убирает лист дуба из волос и снимает защитный купол. Для всех мы выглядим просто как влюблённые, молодая пара драконов, гуляющая по старому саду и предающаяся сладким мечтам о счастливом браке.

И это далеко не первый раз. Мы давно стали любовниками, едва он посватался, я перестала терпеть. Внутри меня давно полыхал пожар любви и страсти к сильному красивому дракону, что не скрывал ни своего желания, ни намерений в отношении меня. Поэтому, едва лорд Эннас посватался и родители ответили благосклонно, последняя внутренняя преграда пала и я решилась...

Мы просто сбежали с пира в честь помолвки, и в укромном местечке за конюшней Теон расстелил свой плащ, серый, с серебряной вышивкой драконов. Прямо на нём всё и случилось. Любимый целовал каждый сантиметр моей кожи, шептал, как любит меня, как ждал этого момента, а потом овладел мной. Дракон покрыл свою драконицу. Мы были точно два изголодавшихся зверя, сильные, страстные, боль была короткой, острой, а потом — только тепло мускулистого тела, биение сердца жениха рядом с моим, его губы на моих... Когда всё закончилось, на светло-сером плаще остались багряные пятна, как первые маки в весенних полях.

Так почему же он смотрит на меня так, будто ничего этого не было? Ведь он же знает, знает, знает... что меня подставили!

— Теон... — сбивчиво шепчу, язык заплетается. — Мы же... ты же сам... Крови не могло бы быть, я же давно...

— На что ты намекаешь? — он делает шаг вперёд, в его глазах вспыхивает что-то опасное, горячее. — Как можешь, будучи голой в постели с... — он кривится, кивает на смятую постель. — Пятна на простынях и твоя нагота говорят громче слов.

Лучше бы он вонзил мне нож в грудь, наверное, это было бы не так больно.

«Почему он делает вид, что между нами ничего не было?» — по щекам катятся горячие слёзы.

— Видеть тебя не могу, — роняет Теон холодно, отстранённо. — Свадьбы не будет! Своим распутством ты обесчестила не только себя, но и всю семью.

Он разворачивается.

— Теон! — я всё же вскрикиваю сквозь слёзы, морально цепляюсь, держусь за него, как за спасительную соломинку.

Но он даже не оборачивается.

«Как будто со мной покончено», — разливается горечью по венам.

Его спина, широкая, прямая, — вот всё, что я вижу, вот всё чего достойна, после того что было между нами. Я помню, как обнимала эту спину, как чувствовала каждую мышцу, когда он брал меня, а я хотела ещё и ещё...

И вот он повернулся ко мне той самой спиной и предал так спокойно и буднично, словно я... никто для него.

Мне кажется, что рассудок рассыпается подобно кучке песка, я не могу, не могу понять, за что он так со мной: «Я люблю его, я отдала всё: тело, сердце, душу. Как он может выбросить это в бездну?»

А потом меня добивают окончательно:

— Бойран, — голос Теона доносится откуда-то издалека, словно сквозь воду. — Думаю, вы сами понимаете, что договор нужно расторгнуть. Я забираю свои земли и золото, что отдал за чистую, непорочную и воспитанную деву, коей ваша дочь, к сожалению, не оказалась.

«Чистую... Я и была чистой. И только для тебя! — мысленно кричу предателю. — Опомнись!»

— Лорд Эннас, — лебезит отчим, в его голосе слышна паника. — Давайте обсудим... У нас ведь есть и вторая дочь. Она ненамного младше Мальяны и чудо как хороша, посмотрите

сами. К тому же... силы у неё, по словам жреца, гораздо больше. Мы пойдём... примем любые меры, чтобы загладить свою вину.

«Эйра, — холодеет внутри ещё больше, — он предлагает ему Эйру. А Теон молчит... не говорит ни да, ни нет».

Смотрю на сестру — та стоит, опустив голову. Но не возражает и не защищает меня. Более того, из-под длинных чёрных ресниц она смотрит на Теона, и я слишком хорошо знаю этот взгляд — так она смотрит, когда получает что-то, что давно хотела.

— Любые меры? — задумчиво тянет Теон. — Любые меры мы можем обсудить.

Меня сковывает льдом предательства, а в голове стучит: «Как я буду жить без тебя?»

Смотрю на Стина. Он уже натягивает штаны.

— Почему ты лжёшь? Мы же друзья с самого детства... Ты же... ты же как брат мне...

Он замирает на долю секунды, а потом натягивает рубашку как ни в чём не бывало и поворачивается. Лицо его удивительно спокойно.

— Прости, Мальяна, — он даже осмеливается смотреть мне в глаза. — Но я не буду лгать, к тому же все всё увидели и так. Ты пригласила меня войти и обняла, поцеловала, умоляла взять тебя, — в его глазах что-то мелькает и тут же гаснет. — Ты сама хотела этого, просто мы попались.

Предатель!

Мать, застывшая истуканом, приходит в себя, её лицо белое, как простыни, багровеет на глазах от гнева или стыда.

— Прикройте её, — всегда нежный голос звучит так, словно я уже мертва для неё. — О наказании мы ещё подумаем. Какой стыд!..

Служанка, сердобольная старая Мартина, которая нянчила меня с пелёнок, подходит с накидкой. Руки у неё дрожат. Она смотрит на меня, а в глазах плещется жалость. Но и она молчит.

Накидка падает мне на плечи, я кое-как запахиваю её.

— Эйра, — зовёт мать. — Иди, припудри носик, лорд Теон может захотеть увидеть тебя, и ты должна блистать.

— Мама... — голос сестры тихий, но я слышу затаённое ликование. — Может, не надо... может, это какая-то ошибка...

«Какая притворщица!» — в сердце саднит от предательства.

— Замолчи! — рывкает мать на Эйру, и я вздрагиваю. — Ты хочешь, чтобы мы потеряли всё? Земли, деньги? Союз с домом Эннасов? Из-за этой... шлюхи?!

«Шлюха?! Мама, моя воспитанная, кроткая, нежная мама назвала меня шлюхой... Я объясню, она поймёт, поверит, просто сейчас она в таком же заблуждении, как и все», — делаю шаг, ищу её глаза:

— Мама... — голос срывается на всхлип. — Мама, это ложь, клянусь тебе... я ничего не делала. Я не понимаю, как он оказался в моей кровати, между нами ничего не было, крови быть не могло, ведь мы с Теоном уже были вместе, он мой первый...

Мать смотрит на меня так, словно видит впервые, и то, что видит, вызывает у неё отвращение.

— Да? — её голос гневно дрожит. — И как тогда вышло, что ты голая с кровью между ног в объятиях стражника?

Она замахивается и... Резкая, звонкая, болезненная пощёчина окончательно размазывает остатки надежды на то, что кто-то выслушает и поверит.

Щека вспыхивает болью, голова дёргается в сторону, но это ничто в сравнении с тем, что творится внутри.

— Закрой свой поганный рот, обесчещенная! Перестань врать и порочить имя лорда Эннаса после того, как обесчестила всю семью! — шипит разгневанной змеей мать. — Эйре

ещё замуж выходить! Кто её возьмёт после того, как лорд-дракон откажется от брака с грязной потаскухой?! А что будет с нами, когда он заберёт земли, деньги?! Мы ведь уже отдали часть долгов из этих самых денег! Мальяна, как ты могла?! Как я могла воспитать такую блудницу?!

Каждое слово рассекает сердце болезненным ударом.

Шлюха... Потаскуха... Блудница...

Мать хватает Эйру за руку и тащит из комнаты. Сестра оглядывается на меня через плечо... один раз. И в её глазах блестит триумф, хоть губы и кривятся так, словно она сейчас разрыдается.

Дверь моей комнаты захлопывается. Щёлкает замок.

А из груди наконец-то вырывается крик, полный отчаянной звериной боли... Полный осознания, что моя жизнь только что разрушилась и руины уже не собрать воедино.

Мои дорогие!

Подписывайтесь на мою страничку, чтобы не пропустить мои новинки и розыгрыши, у нас с вами впереди много историй!

А сделать это можно здесь: <https://litnet.com/shrt/Oe1u>

Вы перейдёте на мою страницу и просто нажмёте кнопку ПОДПИСАТЬСЯ вот как на этой картинке!

Я буду очень рада увидеть тебя в числе своих пописчиков, моя дорогая читательница!

Листаем дальше!

Тот самый Теон

Мы должны знать жениха в лицо!
Вот он, прекрасный Теон.

В этой книге, мои дорогие, подсказок в духе "От ненависти до любви" или "От любви до ненависти" не будет. Я буду держать вас в напряжении, а интриги здесь - мама не горюй!
Пристегните ремни, жара только начинается!

С любовью, ваша Ольга Ли!

Не забываем подписываться, ставить звёзды книге и вообще всячески поддерживать творческие порывы автора, ибо автор - простая земная женщина по ту сторону экрана, и я всё читаю, и мне приятно, просто знайте, мои золотенькие!

Та самая Эйра

Та самая Эйра, вы, конечно, догадываетесь, что к ней будут вопросы, пока просто посмотрим!

Глава 2. Ты вознесёшься!

Галина

УАЗик нещадно трясёт. Держусь за потёртый поручень над дверью и смотрю на бескрайнюю белизну алтайской зимы: горы, снег, ясное голубое небо, кажется, захочешь и взлетишь птицей.

«Вознесёшься, — усмехаюсь про себя, — прямо как название этой секты. А они молодцы, умеют зомбировать. Полгода, и уже думаю их словами».

Из динамиков льются шаманские напевы, гортанные, монотонные, от них мерзкие мурашки по коже, даже спустя полгода ежедневных прослушиваний. Бубен, звенящая струна, поющая чаша, горловое пение и слова на языке, которого я не понимаю, но который будто проникает в сердце, заставляет вздрагивать от чего-то необъяснимого.

Наставница, в миру Светлана Кошкина, а в секте Ярослава Светоносная, сидит рядом, закрыв глаза. Губы шевелятся в беззвучной молитве, ни дать ни взять хрестоматийная шаманка: на шее — десяток амулетов, обереги, камни, на голове шапка из лисы, платье в стиле бохо, сверху дублёнка из шкур оленя, пахнет от неё травами и чем-то сладковатым, приторным.

За нами, на задних сиденьях, ещё две женщины — Марина и Ольга. Обе в белых накидках послушниц поверх пуховиков, сидят с отрешёнными лицами, словно уже не здесь.

В боковом зеркале отражаюсь и я, выглядящая точно такой же сектанткой. Галина Соколова, майор ФСБ под прикрытием, а по легенде — Агата Смирнова, тридцати двух лет, разведённая, потерявшая ребёнка три года назад и ищущая утешения.

Полгода я хожу на их сборы, делаю вид, что нахожу утешение, истово взываю к божествам и рассказываю о снах, в которых общаюсь с несуществующим погибшим Ванечкой. В общем, делаю всё, чтобы войти в доверие к убийцам и мошенникам из секты «Вознесение». Меня периодически корёжит, но работа такая.

А сегодня всё закончится, в Горно-Алтайске соберётся вся верхушка: гуру Светозар, его ближний круг, самые ярые фанатики. И я появлюсь с маячком в ухе, замаскированным под серёжку, и микропередатчиком в подвеске на шее. Если всё подтвердится, и в жертву идолам будут приносить человека, то ОМОН ждёт сигнала, чтобы тут же накрыть секту.

Смотрю на заснеженные сосны за окном, и мысли сами собой уплывают туда, куда не надо.

К Лере, к сестрёнке, единственной, кто остался.

Три года назад после смерти мамы она ушла, тоже в секту. Не эту — другую, «Свет Истины». Просто, буднично оставила записку и попросила её не преследовать, мол, пошла искать истину.

Она искала истину, а я — её. Месяцами прочёсывала все возможные адреса, ездила по моргам, притонам, мониторила инфу по неопознанным трупам в соседних регионах. Использовала все ресурсы, которые у меня были.

Без толку. Лера словно сквозь землю провалилась.

Она всегда была немного чудной и ведомой, а после смерти матери и совсем двинулась, но мне было не до неё, я переживала утрату по-своему: загрузилась работой по самые гланды.

Какие, блядь, превратности судьбы! Я ищу чужих пропавших людей, внедряюсь в секты, вытаскиваю жертв... а свою сестру найти не могу.

«Может, она мертва? — скользит мысль холодная, как снег за окном. — Или просто не хочет, чтобы я её нашла...»

— Агата, — голос Светоносной выдёргивает меня из мыслей. Она смотрит на меня тёмными, почти чёрными глазами. — Ты готова?

Киваю, выдавливая благоговейную улыбку:

— Готова, наставница. Я... я так долго ждала этого дня.

— Сегодня ты войдёшь в Круг Избранных, — она кладёт жилистую руку с ухоженными ногтями мне на плечо, сжимает. — Гуру Светозар увидит твою душу, твой свет. И ты останешься в нашей обители навсегда, чтобы однажды вознестись!

«Навсегда в камере, сука, останешься ты!» — бунтует моё нутро.

— Благодарю, — шепчу и смиренно опускаю голову.

УАЗик сворачивает на узкую дорогу, в конце которой — высокий забор и ворота, а за ними — несколько построек. Деревянные дома, больше похожие на избы, из труб идёт дым. Вот она — обитель.

Сердце бьётся чаще. Проверяю маячок в ухе лёгким касанием — на месте. Подвеска на шее — тоже. Передатчик работает, ОМОН на связи.

«Осталось немного, просто продержись».

Машина останавливается, выходим. Мороз обжигает лёгкие, минус двадцать пять, не меньше, снег скрипит под ногами.

Нас встречают люди в белых одеждах. От приветственных улыбок и объятий хочется блевать, и, по ходу, только мне: все остальные благостные, словно уже вознеслись и парят в неведомом мне мире благодати.

— Сестра Агата, — меня представляют. — Новый свет в нашем Круге.

Второй круг объятий, руки чужих людей на моих плечах, спине. Пахнет ладаном, травой и потом.

«Держись, Галя», — иду со всеми внутрь, в самый большой дом, наверное, тут и будет собрание.

В комнате жарко. Вижу в центре какой-то железный очаг, похожий на чашу для великана, в нём горит нестерпимо-яркий огонь, от его жара, смешанного с запахом какой-то прогоревшей травы, становится дурно: то ли от этого запаха и жара после мороза и пятичасовой тряски в душегубке, то ли от вида безучастных зомбированных лиц людей, стоящих вдоль стен. Здесь человек пятьдесят, не меньше, и кто-то ещё входит, так же, как и моя группа.

Та же музыка играет и здесь, только громче, и кажется, что шаманские напевы проникают под кожу.

А вот и он, картинно вздымающий руки вверх у самого очага, Гуру Светозар.

Мужчина лет пятидесяти, седые волосы до плеч, борода, льняная рубаха с вышивкой, на шее всенепременный массивный амулет с камнем.

Лицо важное, а глаза живые, блестящие. Явно опасный противник, не то что Светоносная.

Гуру смотрит на меня, улыбается, как будто для меня одной. Ох уж эти манипулятивные штучки.

— Агата, — произносит предводитель секты низким, вкрадчивым голосом, — добро пожаловать, дитя. Я видел тебя в своих видениях. Ты долго нас искала, шла к этому месту и этому дню, но теперь ты дома и обретёшь новую жизнь!

«Мои дом и жизнь в Новосибирске, ублюдок!»

— Благодарю, Гуру, — благоговейно шепчу и опускаюсь на колени, всё как учили.

Он подходит, кладёт руку мне на голову. Пальцы холодные, несмотря на жару в комнате.

— Сегодня ты пройдёшь обряд и войдёшь в Круг. И твоя душа освободится...

«А ты сядешь, и не освободишься никогда...» — склоняю голову ещё ниже.

— Встань! — приказывает он.

Ярослава берёт меня за руку, ведёт ближе к очагу. Остальные смыкаются вокруг нас кругом.

Музыка становится громче. Бубен и пение всё громче, некоторые начинают раскачиваться из стороны в сторону.

— Сестра Агата, — громко объявляет Ярослава, — пришла к нам с разбитым сердцем. Она потеряла дитя, мужа и себя. Но здесь, в общине, она найдёт новую жизнь, вознесётся!

Все начинают повторять: «Новая жизнь! Вознесение!»

Гуру поднимает руки. Круг затихает, лишь пара женщин, словно в глубоком трансе, покачиваются под нестерпимую какофонию, одна из них начинает петь на этом самом незнакомом мне жутком языке.

— Дитя моё, — вещает гуру, — сними мирские оковы, освободись от боли прошлого, здесь ты родишься заново...

Ярослава начинает снимать с меня куртку, потом свитер.

«Стоп. Вы что делаете? Про такое мне никто не говорил!»

Сердце колотится, мозг лихорадочно ищет пути отступления:

— Наставница, — шепчу, — можно я сама...

— Тихо, дитя, — её голос ласковый, но твёрдый. — Доверься.

Она стягивает свитер через голову.

Резко скрипит дверь, в дальнем углу какое-то движение, кто-то ещё пришёл на церемонию. Может быть, та самая жертва?

Вглядываюсь и замираю.

Худая, измождённая женщина протискивается вперёд. Светлые волосы коротко острижены, лицо измученное, но...

Это Лера!

«Лера, Лерочка, сестрёнка! Господи, неужели нашлась! Живая, здесь!» — едва сдерживаюсь, чтобы не закричать от радости.

А вот Лера не сдерживается, не думает ни секунды:

— Это не Агата, — громко и звонко говорит сестра знакомым до боли голосом. — Это моя сестра, Галя, она работает в полиции и никакого ребёнка у неё никогда не было.

Пока она изобличает меня, сердце делает кульбит, а потом мир замирает, концентрируется на мысли: «Ты жива, ты здесь... Я нашла тебя...»

А она продолжает, гневно тычет пальцем, для неё я — враг:

— Предательница! Ты пришла разрушить нашу обитель!

— Н-нет, вы меня с кем-то путаете, — я стараюсь выйти из воды сухой, надеюсь, что всё может обойтись, а сама думаю: «Что же ты делаешь, Лера, неужели эти сектанты тебе так дороги? Не сдавай меня, молю!»

Сердце сжимается в тревожном предчувствии.

— Лжёшь! — кричит она. — Ты моя бывшая сестра Галина Соколова, работаешь в полиции! Светозар, — она падает на колени, — умоляю, поверьте, это волк в овечьей шкуре! Она нас погубит! Посмотрите, — и она достаёт из-за пазухи какую-то мятую фотографию, тычет ею в лицо гуру, — вот!

Комната наполняется шепотками. Гуру щурится, вглядывается в снимок, поднимает руку — все тут же затихают.

— Полиция? — произносит он с усмешкой. — Нам ничего не страшно! Мы лишь поём песни шаманов и слушаем, что нам говорят духи!

Он замирает, прикладывает руки к ушам, закрывает глаза, мотает головой, все благоговейно ахают, едва не падают в обморок от такого перформанса.

«Спектакль, дешёвый спектакль!» — меня корёжит.

— Духи говорили со мной, — Светозар оборачивается к толпе, — они велели очистить наш дом! Что мы делаем с предателями?!

— Очищаем от скверны! — ревет толпа.

«Пиздец! — разливается холодная ясность, что ничего не обойдётся. — Твою мать!»

Хватаюсь за серёжку в ухе — маячок ещё работает.

— Код красный! — кричу во всё горло. — Где вы, ёб вашу мать?

Ярослава бьёт меня по лицу, да так внезапно, что не успеваю среагировать. И кто бы мог ожидать от этой сухонькой, больше похожей на иссохшего воробья женщины такую силу?

— Держите её! — командует Светозар.

Меня хватают за руки, окружают люди с фанатичным огнём в глазах, их много, я одна, но это ненадолго: сейчас придёт подкрепление.

Под шаманские завывания неугомонной бабы, которая всё ещё в своём обдолбанном трансе «гуру» достаёт из-за пояса нож, длинный с чёрно-золотой рукояткой, явно ритуальный.

— Не надо! — пытаюсь вырваться, но меня держат два крепких мужика. — Вас посадят! Прекратите!

— Кровь предателя очистит и нас, и её, — провозглашает Гуру, и даёт нож Лере. — Она освятит её путь, смоет грехи и позволит вознестись!

— Лера, остановись! — голос срывается на визг.

— Прости, — шепчет она. — Ты вознесёшься и поймёшь...

И нож ослепительно-больно входит в живот.

Не могу дышать от боли — не столько физической, сколько ментальной: «Родная сестра...»

Она вытаскивает нож и с фанатичным, безумным лицом вонзает его в меня ещё раз.

Тёплая липкая кровь течёт по ногам.

Меня отпускают, я уже неопасна. Падаю... Кто-то пинает меня, нога в тяжёлом башмаке с силой ударяет по затылку.

Второй удар приходится в бок, потом ещё один — в грудь.

Музыка, бубен, пение, крики, дым от очага...

Где-то далеко разносится грохот, крики, выстрелы.

«Наконец-то, ОМОН...»

Но я чувствую: уже поздно. Кровь идёт изо рта, захлёбываюсь, кашляю, от кашля булькает в горле.

Кто-то склоняется надо мной:

— Держись! Я окажу помощь...

Холодно. Так холодно...

Губы сами шепчут слова, которые учила когда-то давно, в детстве, когда бабушка водила в церковь.

— Отче наш... Иже еси... на небеси...

Свет гаснет.

«Мама, я иду к тебе...»

И я погружаюсь в темноту.

 Мои дорогие!
 Приглашаю вас в свою завершённую и самую любимую книгу

 Попаданка: из содержанки в графини

Только для читателей старше 18 лет!

<https://litnet.com/shrt/uGRm>

Вы поняли, у нас снова попаданка, но какая! С особыми умениями.

Не врач, не повар, не юрист, нет!

А представительница древнейшей в мире профессии!

Как думаете, можно ли из эскорта попасть в... графини?

Однозначно, ДА!

А как, читайте в истории про потрясающую, блистательную и сильную девушку.

Читайте здесь - <https://litnet.com/shrt/uGRm>

Глава 3. Отдашь силу

Мальяна

— Откройте! — мой голос хриплый от криков. — Пожалуйста! Это ошибка! Я ничего не делала! — кричать уже не могу, стучу в дверь, пока костяшки не начинают болеть и кровоточить.

Но в ответ лишь тишина, понимаю, что всё бесполезно, ведь я стучу и кричу с самого утра, а сейчас солнце в зените, и никто так и не приходит. И всё же хочется сделать хоть что-то, почувствовать себя бессильной и беспомощной оболганной дуручкой — невыносимо.

Сползаю по двери на пол, голова всё ещё кружится, а тело двигается с трудом. Мне бы попить, сбить это горький привкус во рту, но воды в комнате нет.

«Что со мной произошло?» — в очередной раз пытаюсь понять и припоминаю вчерашний вечер до мельчайших подробностей.

Вот я примеряю платье, рядом мать, счастливая, суетливая, поправляет складки и не может на меня наглядеться, даже плачет: «Ты так похожа на своего отца...» Эйра смеётся, успокаивает мать, говорит, что я самая красивая невеста во всём Дуране.

Потом... лёгкий ужин, но я почти ничего не ем, слишком волнуюсь.

После ужина мы все идём в часовню, там Теон, прекрасный, как божество, я склоняюсь перед ним и произношу свою клятву связи, всё, как и полагается накануне свадьбы. Его руки горячи, а глаза ласкают меня, обещают счастье и любовь.

А после...

Я ухожу в свои покои, и ко мне приходит Эйра. У неё в руках бутылка вина и два бокала.

— Малли, — шепчет она заговорщически, — давай отпразднуем вдвоём, пусть это будет наш особенный последний вечер, ведь уже завтра ты возляжешь с мужем совсем в другом месте и я останусь тут одна и буду скучать по своей любимой старшей сестре.

Я растрогана, меня переполняют нежность и любовь к сестре, хоть на глазах слёзы, смеюсь и обнимаю её.

— Эйра, мне будет тебя не хватать, конечно, я проведу этот вечер с тобой и выпью вина, когда ещё так посидим...

— Я сейчас заплачу, — она улыбается, вытирает покрасневшие глаза и разливает вино, тёмно-красное, почти чёрное в свете свечей. — За твоё счастье с самым прекрасным женихом всего Южного Дурана.

Мы чокаемся, пьём.

Мне кажется, что вкус странный, какой-то горьковатый. — Необычное вино, — невольно морщусь от горечи.

— Мне тоже так кажется, наверное, с непривычки, — улыбается Эйра. — В других домах вон родители уже в четырнадцать столовое вино разрешают пить, а мы с тобой всё, как маленькие. Но, если что, это какое-то особое вино, я стащила его из тайного погреба отца, — и она заговорщически подмигивает. — Я шла на риск, так что, придётся выпить хотя бы бокал до дна!

— Риск должен быть оправдан, — смеюсь я, представляя, как Эйра крадёт в ночи к кабинету отчима.

— За тебя, — она поднимает свой бокал выше. — За то, чтобы ты получила то, что заслуживаешь!

Мы обе морщимся, но допиваем до дна, а потом болтаем обо всём и ни о чём, и в глазах у сестры я вижу грусть... словно я уже где-то далеко.

— Я так рада за тебя, — она обнимает меня, и голос её звучит глухо, как сквозь пуховое одеяло. — Но мне кажется, у тебя уже слипаются глаза, дорогая почти-жена лорда Эннаса!

И правда, я моргаю с трудом, веки словно налиты свинцом.

— Да, я бы поспала...

— Я пойду, сестрёнка, а ты ложись, поспи, завтра будет... долгий день, — что-то неправильное в её интонации, в этой многозначительной паузе, но сил спрашивать нет, я просто смотрю, как она выходит из комнаты, а потом... проваливаюсь в темноту, даже не успев раздеться.

«Так как же я оказалась раздетой в объятьях Стина и с пятнами крови, которой не должно было быть?» — я всё ещё сижу на холодном полу, дрожа как осиновый лист от эмоций и ужаса ситуации, в которой оказалась. Я будто в каком-то кошмаре и никак не могу проснуться.

Чёрные мысли лезут в голову: «Вино... оно было неправильное, слишком горькое. Дурман мог быть только в нём. Но... неужели это Эйра? Эйра опоила меня?»

Нет-нет-нет, это невозможно!

Она моя сестра, она не могла, зачем...

Зачем ей опаивать меня, как-то договариваться со Стином, раздевать, измазывать кровью, лгать...» — меня передёргивает.

И всё же кто-то это сделал: опоил, раздел, привёл Стина, обмазал кровью, чтобы выдать за блудницу.

Неужели Эйра?

Вспоминаю, все взгляды, какими сестра смотрела на Теона с самого начала. А ещё... как я впервые увидела его на балу, как трепетала в тот самый день. Как полгода назад заходило сердце от счастья, когда через пару недель после бала Первого огня, где он пригласил меня на танец, юный лорд впервые приехал в наш дом под благовидным предлогом «участия в ежегодной охоте на вепря».

Сестрёнка вся как-то подбиралась, стоило ему войти в комнату, находила любые поводы оказаться рядом, следовала за мной хвостом, смеялась над шутками Теона, спрашивала о драконьей магии, каким был первый оборот...

«Он такой красивый, — как-то сказала она, обнимая меня после того, как он посватался. — Тебе так повезло, Малли. Юный лорд Эннас — мечта любой драконессы!»

Мне нравилось это её восхищение, такое наивное, детское, ведь Эйра младше на полтора года, ей только на прошлой неделе исполнилось восемнадцать. Конечно, ей нравится Теон: золотые драконьи глаза, сила, благородство и красота. Такой, как он, просто не может не нравиться.

«Но не настолько же... Нет! — прижимаю ладони к голове, хочу отогнать чёрные мысли, но не получается. — Не может быть, чтобы она так сильно влюбилась, что пошла на то, чтобы опохмелить меня. Да и потом, как можно было подумать, что Теон...»

Теон... Теон...

Почему он повёл себя так? Почему притворился, что не помнит нашей близости и крови на плаще? Ведь он лишил меня девственности, клялся в любви, мечтал о свадьбе, целовал, шептал слова любви.

Как он мог делать вид что ничего этого не было?

«Если только... — холод от чудовищной догадки пробегает по спине, — если только его тоже не опоили. Или приворожили, или провели какой-то тайный магический ритуал».

Ведь существуют всякие зелья и запрещённые тёмные любовные чары.

«Может быть, Теон тоже жертва? — хватаюсь за эту мысль, как утопающий за соломинку. — Да-да, его приворожили, заставили всё позабыть и поверить грязной лжи!»

Я никогда не поверю, что он просто... предал меня.

«Мой Теон, мой любимый...»

Догадки кружат в голове одна страшнее и омерзительнее другой.

— Драконья мать! — шепчу, зарываясь руками в волосы. — Спаси! Мне кажется, я схожу с ума...

Щёлкает замок, и я вздрагиваю. «Они во всем разобрались, Теон вступился за меня!» — вспыхивает надежда, и я встаю с пола, держась за стенку.

Двое стражников и Лина, служанка Эйры, молча входят в комнату, никто из них даже не смотрит на меня.

— Что... — голос срывается.

Лина подходит к вешалке, на которой висит моё свадебное платье и аккуратно... снимает его и складывает себе на руки.

— Нет! — пытаюсь подойти, но колени подгибаются, и я падаю. — Это моё! Не трогайте!

Лина проходит мимо.

— Леди Мальяна, — говорит она тихо, — я просто выполняю приказ маркиза Бойрана.

— Но... зачем? — я боюсь услышать ответ, но он нужен мне. Я... просто не могу оставаться в неведении, что же происходит в замке, ведь моя жизнь и судьба висят над глубокой пропастью.

Но ни Лина, ни стражи мне не отвечают, и девушка просто уходит с моим прекрасным платьем. Оно должно было быть на мне, радовать глаз Теона... Драконья мать, я же примеряла его ещё вчера...

Я застываю у окна, пытаюсь понять, что же происходит, даже дёргаю решётку, пытаюсь наложить заклинание, чтобы сбежать, но... и она, подобно моему телу не слушается, словно меня не только опоили, но и лишили магии, как-то её заблокировали. А если так, то...

Это точно тёмные чары.

Я даже на кровать лечь не могу, там всё ещё эти запачканные не моей кровью простыни.

Опускаюсь в мягкое кресло и сижу, глядя в точку и прислушиваясь, не донесётся ли каких-то звуков из коридора. Неведение убивает.

Снова щёлкает замок, за окном уже вечер, снова двое стражей и одна служанка, она ставит на стол поднос. Хлеб, холодное мясо, долгожданный кувшин с водой и...

И кусок свадебного пирога.

Не узнать его нельзя — такую миндальную глазурь делают только на свадьбу. А сверху засахаренные фиалки — символ покорности и чистоты, ведь невесте полагается быть покорной, чистой и непорочной девой.

Всё внутри сжимается: «Какая насмешка... Они издеваются надо мной!»

— Уберите это, — шепчу. — Уберите...

Но дверь закрывается, снова щёлкает замок, и я остаюсь один на один со своим унижением, покрытым сладкой глазурью и причудливым цветочным узором на нём. Больше ко мне никто не приходит.

В комнате темнеет, свечи догорают, у меня даже нет сил разжечь огонь в камине, несмотря на начало лета, ночи ещё холодные.

Я лежу на полу и невидяще смотрю в потолок, тревога внутри вопит, как дикий олень во время гона: «Что происходит? Почему? Что делать?»

В какой-то момент я всё же закрываю глаза и засыпаю.

А когда просыпаюсь, то за окном — рассвет.

«Это мог бы быть наш первый с Теоном рассвет...» — сжимаю кулаки.

Прошли сутки, а кажется, что целая жизнь, столько мыслей я передумала.

Щелчок, скрип, распаивается дверь. Снова всё те же два стражника:

— Вставай, — говорит один. — Тебя ждут.

Сердце колотится, в нём снова вспыхивает надежда:

— Где?

— В семейной часовне.

«Неужели... неужели мы всё же женимся? Может быть, Теон хочет принести свои клятвы и просто забрать меня из этого дома, где никто мне не верит? Хоть бы так, Драконья мать, защити!»

Поднимаюсь, ноги уже не дрожат, оглядываю себя в зеркало: на щеке след от пощёчины, наверное, мать оцарапала, кудрявые волосы в беспорядке, под глазами тени — хороша невестушка. Закутываюсь плотнее во вчерашнюю накидку и иду за стражниками.

Слуги в коридорах смотрят на меня во все глаза, кое-кто отворачивается, от волнения в груди гобелены на стенах сливаются в одно коричневое мельтешащее пятно.

Доходим до маленькой семейной часовни. Когда-то здесь мать и отец обменялись брачными клятвами, а через полгода, когда отца убили в бою, Бойран, его младший брат и теперь наследник рода предложил беременной мной матери свою руку и покровительство. После соблюдения приличествующего трауру срока мама стала женой Бойрана в этой же часовне, а через пару недель родилась я.

Вся эта семейная история, полная драмы и крови, проносится в голове, пока стражники распахивают двери часовни.

Узкое зарешёченное окошко почти не пропускает свет, и внутри горит множество свечей, бросая какие-то жуткие тени на белый мраморный алтарь.

Лицо матери непривычно каменное, без единой эмоции. Губы Бойрана сурово поджаты, руки скрещены на груди, взгляд холодный.

Жрец в белых одеждах мне знаком — старый Крион из местного прихода, именно он должен был скрепить наш с Теоном союз, благословить клятвы.

Эйра и Теон стоят у алтаря вместе, слишком близко друг к другу, и от дурного предчувствия меня пробирает озноб. Но я держусь и вхожу внутрь, подхожу ближе к семье и вскрикиваю, когда вижу...

На руке Эйры брачный тонкий серебряный браслет с фиолетовыми чешуйками дракона, переливающимися в пламени свечей. Это не просто брачный браслет, это брачный браслет дома Эннасов.

«Браслет Теона!» — сердце пронзает острой иглой и мир останавливается.

А я... всё смотрю на руку сестры. На браслет, который должен был быть на моей руке, на то, как нежно её пальцы прикасаются к этому символу её принадлежности моему любимому.

Перевожу взгляд на Теона, и он встречается со мной глазами. Холодными, ничего не выражающими глазами на прекрасном лице-маске.

— Эйра... — голос дрожит, но я говорю, не могу не говорить. — Это... что это значит?

Мать делает шаг вперёд:

— Лорд Теон Эннас милостиво согласился взять в жёны нашу Эйру после того... — ровный официальный голос матери всё же сбивается, она запинаясь на секунду, но тут же продолжает, — после того бесчестия и позора, которые ты навлекла на нас. Брак заключили вчера, освятили жрецом и консумировали этой ночью.

Кровь отливает от лица:

— Консумировали? Заключили брак?..

— Да, — просто говорит Бойран. — Лорд Эннас великодушно согласился на союз с Эйрой, и мы в неоплатном долгу.

«Вот зачем забрали платье... Моё платье... Она, она опоила меня и надела моё платье, а потом возлегла с ним, с моим Теоном!»

Смотрю на сестру. Она стоит, опутив глаза, но на губах играет едва заметная победоносная улыбка.

— Как ты могла? Выйти за моего...

— За своего жениха? — Эйра поднимает голову, и в её глазах — холодная уверенность. — У тебя больше нет жениха, сестрица. После того, что ты сделала, благодари небеса, что ещё жива! Я спасла нашу честь, нашу семью и будущее!

— Врёшь! Я ничего не делала! — взрываюсь и кричу. — Ты меня опоила и подставила! Теон, скажи им! Ты же знаешь! Ты лишил меня девственности! Ты знаешь, что я...

— Замолчи! — рывкает Бойран.

Но я уже рядом с Теоном, хватаю его за руку, за ту самую руку, что когда-то ласкала меня.

— Теон-Теон, одумайся! — шепчу, умоляю. — Пожалуйста... Это же я, Мальяна. Твоя Мальяна, вспомни кровь на сером плаще, вспомни купол невидимости в саду под старыми дубами. Вспомни, как ты говорил, что любишь меня. Может, тебя тоже опоили? Приворожили? Теон...

Он смотрит на меня, на краткий миг что-то мелькает в его глазах, а потом...

Он с силой отталкивает меня. Резко и грубо, так, словно я ему неприятна!

Спотыкаюсь и падаю на колени.

— Мало того, что лгунья, так ещё и неблагодарная! — в голосе любимого звякает драконья сталь. — Я даровал твоей семье милость, взяв в жёны твою младшую сестру, спас ваше доброе имя. А ты смеешь ко мне приставать и нагло врать, будто бы я был с тобой?

«Это не он! Мой Теон так никогда бы не сказал!» — отчаяние захлёстывает подобно мощной волне, лишает воздуха в лёгких.

— Держите её, — приказывает Бойран, — и на алтарь.

Стражники подхватывают, тащат к белой глади мрамора.

— Что... что вы делаете? Не трогайте меня! — пытаюсь вырваться.

— Тебя бы следовало казнить за то, что ты устроила, — холодно произносит мать. — Публично, на потеху простолюдинам, чтобы все видели, какая ты грязная и лживая нечестивка.

— Мама...

— Но лорд Эннас милостив, — продолжает она, не глядя на меня. — Он согласился взять твою силу в качестве компенсации за разорванный договор. А тебя... тебя всего лишь отправят в Дикую Пустошь. В поселение для падших женщин.

Леденящий ужас пронзает насквозь: «Нет-нет-нет! Дикая Пустошь. Это же хуже смерти!»

Земли за Чёрными горами, где лишь песок да ветер, а ещё... преступники и отверженные. Я же просто пропаду там, на тяжёлых каторжных работах.

— Нет, — шепчу. — Нет, пожалуйста... не надо, я не виновна!

— Надо было думать раньше, — роняет Бойран. — Как могли мы взрастить такое зло, Лурда? — и он картинно вздымает руки к каменному потолку.

Меня привязывают к алтарю, больно, верёвки врезаются в запястья и лодыжки.

— Прошу, отпустите! Я ничего не делала! Эйра, скажи им правду! Это всё ты! Ты сделала это...

Но Эйра молчит, всё так же стоит рядом с Теоном, и на её лице — спокойствие и... жалость.

— Драконья мать, — шепчет она, — кажется, наша Мальяна сошла с ума. Может быть, её безумство заставило сделать все эти гадкие вещи?

Теон сжимает её руку, а меня будто конь растоптал.

Крион подходит, в руках у него флакон с мутной зеленоватой жидкостью.

— Прости меня, дитя, — шепчет он. — Но таков приговор, твои родители имеют на это право, тяжесть твоего греха велика, да дарует Драконья мать тебе силы выдержать наказание!

И он зажимает мне нос и вливает отвратительное кислое зелье в рот.

Я делаю вдох, гортань сжимается, и зелье проглочено.

А потом начинается это: тело сводит судорогой, трясёт, а в под рёбрами вспыхивает пожар.

Жрец кладёт руки мне на грудь, начинает читать заклинание на старом языке, слова сплетаются в узор и плывут золотыми искрами, воздух вокруг его рук светится, ходит волнами.

Меня же охватывает такая боль, будто кто-то вытаскивает из меня внутренности, и я кричу.

А жрец всё читает, всё громче и громче, его глаза закатываются, он входит в транс, руки касаются моей груди, и я чувствую, как его сила, чужеродная и тяжёлая, проникает внутрь, цепляется за мою магию, которая теперь проснулась и боязливо шевелится под рёбрами.

— Нет! — шепчу одними губами. — Нет...

Но его руки уже извлекают золотистый свет, всю мою силу и магию. Я вижу её у него в руках — сгусток переливающегося золотого света, пульсирующий, словно живое существо.

А внутри меня разверзлась чёрная бездна пустоты, магический поток, который струился во мне с рождения, исчезает, оставляя после себя кровоточащую рану.

«Нет-нет-нет...»

Жрец помещает сгусток в хрустальный сосуд и закрывает крышкой. Свет бьётся внутри, пытается вырваться.

Меня трясёт, мечусь по холодному мрамору диким зверем, останавливают лишь крепкие верёвки останавливают.

«Магии нет. Любви нет. Семьи нет. Ничего не осталось...»

Сквозь пелену боли слышу шаги, мутным от боли зрением различаю, как кто-то наклоняется надо мной.

Пахнет фиалками, свадебными фиалками.

Эйра.

— Кажется, она отходит, — говорит сестра кому-то, — я хочу обнять её, она всё же моя сестра!

И она наклоняется, обнимает меня, словно утешает.

На самом же деле шепчет... так тихо, что только я слышу... прямо в ухо:

— Ты заслуживаешь именно этого. Больше никогда и ничего ты у меня не отберёшь. Сдохни!

И сестра, выплюнув порцию яда, выпрямляется, даже, кажется, утирает слёзы.

Кажется, это было последней каплей, и она переполнила чашу моего страдания, чашу того, что я могла вынести.

И я проваливаюсь в чёрную бездну.

— Драконья мать... помилуй... — последнее, что шепчут губы в этой агонии боли и предательства.

Спасительная темнота поглощает мой разум.

Мои дорогие!

Это тёмная история, вы уже поняли.

И что Мальяну предали вы поняли тоже, только вот, весь список предателей мы пока ещё не знаем, лишь догадываемся.

А у меня есть ещё одна история о преданной девице.
 История про отвязную байкершу-попаданку и дракона-предателя (но такого красивого)

История с перчинкой и жаркими сценами (не потому что на улице или во дворце жарко)

18+

Преданная драконом

<https://litnet.com/shrt/e8JE>

Глава 4. Сделка

Галина

Бесконечный всепоглощающий холод заставляет испытывать постоянную, непрекращающуюся тревогу.

Да и как её не чувствовать, если я неизвестно где, плыву в какой-то чернющей пустоте. Даже не плыву, а просто есть, болтаюсь где-то в нигде. Никто и нигде.

Но больше всего пугает эта темнота без единого просвета, луча солнца, да хотя бы блика лампочки.

Это невыносимо.

«Сколько я здесь? Секунда? Час? Год? Вечность?» — силюсь понять и не могу, время здесь или не существует, или не ощущается.

А я всё прокручиваю и прокручиваю в голове: «Алтай, секта, Лера... Нож в животе. Пустое лицо фанатички. «Ты вознесёшься и поймёшь»...

Ясно одно: я умерла и меня зарезала родная сестра, хотя и неприятно, больно, но других объяснений у меня нет.

Это ад? Рай? Чистилище? Чёрная холодная пустота не похожа ни на что из того, что описывала бабушка, таская меня в церковь. Никаких котлов, ангелов, демонов, лишь одна сплошная пустота.

«Господи, — молюсь, — уже куда-нибудь меня определи. В ад, в рай, в чистилище — мне всё равно, только не это. Я больше не могу быть в этом нигде».

Мои нервы, крепкие, стальные, закалённые тренировками, сборами, психологическими тестами и работой под прикрытием, начинают сдавать. Я балансирую где-то на грани безумства, готова поверить и сделать что угодно, лишь бы выбраться отсюда хоть куда-нибудь.

«Может, это и есть наказание? Вечность в пустоте? За что? За то, что не спасла Леру? За то, что недостаточно старалась? За все убийства, что пришлось совершить на службе? За...»

— Ты то мне и нужна!

Я вздрагиваю... насколько можно вздрогнуть, когда у тебя нет тела. А потом вижу: впереди свет, золотой, тёплый. Живой.

Он прорезает тьму, подобно солнечным лучам, и в этом золотом сиянии... фигура. Очертания человека, сотканные из золотистых переливов, как будто кто-то взял солнечные лучи и сплёл из них существо.

От этого света ледяная пустота отступает, и мне становится тепло.

— Я? — выдавливаю кое-как. Голос звучит странно глухо, словно под водой. — Кто ты?

— Неважно, кто я, — голос мягкий, женский, но с оттенком затаённой боли. — Важно, что ты та, кто мне нужен, и я нашла тебя.

Золотая фигура приближается. Я вижу больше деталей: длинные волосы, струящиеся светом, тонкие руки, изящная шея, но лица... нет, только свет.

— Нужна? Для чего?

— Ты сильная, — говорит она, и свет вокруг неё пульсирует интенсивнее. — Я чувствую, что ты боролась и не сдалась. Даже когда тебя предали и убили. Твоё тело и сейчас ещё борется, хоть мгновения его и сочтены.

Я молчу, не знаю, что сказать.

— Мне нужен кто-то именно такой, — продолжает она. — Кто-то сильный и кто справится.

— Справится с чем? — голос звучит бодрее, внутри крепнет уверенность, что мне сейчас предложат какой-то выход из этого чёрного плена небытия.

— С моей жизнью, — сияние подрагивает. — С кошмаром, который в ней случился. И... отомстит за меня.

«Вот мы и подошли к твоему предложению».

— Чего ты хочешь?

Фигура вздыхает, дрожит ещё больше, словно от боли:

— Меня предали, опозорили, лишили всего: чести, любви, магии. Я почти умерла, у меня осталось совсем немного времени и сил, чтобы предложить сделку.

— Какую сделку?

Золотая душа делает шаг ближе. Теперь я чувствую её — не физически, на уровне энергии, эмоций: тепло, отчаяние, ярость, гнев — всё это исходит от неё волнами.

— Я могу дать тебе новую жизнь, перед тем как исчезнуть окончательно. Ты попадёшь в моё тело, станешь мной. А в обмен, отомстишь за меня. Накажешь всех виновных в моём позоре и смерти.

Я молчу, перевариваю слова: «Новая жизнь, другое тело, месть...»

Пока похоже на очередное спецзадание: внедриться и арестовать преступников. Такое я могу, с таким справлюсь. Да и потом... терять мне нечего.

— А потом? — делаю шаг навстречу. — Что будет, когда я отомщу?

— Потом, — свет вспыхивает, — можешь жить как захочешь. Моё тело станет твоим окончательно, моя жизнь — твоей. Я просто прошу... — голос дрожит, — дай мне клятву, что отомстишь. Что не оставишь их безнаказанными. Что они заплатят за то, что сделали со мной и ты раскроешь истинных виновников, заставишь их страдать...

Я смотрю на этот сгусток света, ярости и боли:

— Жизнь, говоришь? — повторяю медленно.

— Да.

— В другом мире?

— Да. В мире магии, драконов, интриг. В мире, где меня предала собственная сестра.

Меня пронзает боль, и для раздумий не остаётся места.

— Да! — голос звучит твёрдо и уверенно, почти как на работе во время оперсводки. — Я согласна. Я отомщу за тебя, клянусь!

Свет вокруг золотой фигуры вспыхивает так ярко, что будь я человеком, наверное, ослепла бы.

— Клянёшься? — шепчет она.

— Клянусь. Я найду всех, кто тебя предал. И каждый из них заплатит. Что-то, а находить виновных я умею.

Движение... и золотая душа обнимает меня, касается, мгновение... и мы сплетаемся. Не физически, но она словно мягко и нежно проникает под кожу, а потом начинает торопиться, ускоряется, и тепло обжигает, вливается в меня толчками, яростными и горячими. Я так и чувствую, как свет обволакивает меня, проникает внутрь, заполняет пустоту осколками чувств и воспоминаний: смеха, поцелуев, горячих губ на моих, объятий, радости... пощёчины, боли предательства...

— Спасибо, — шепчет она где-то внутри. — Спасибо. Будь сильной. Будь безжалостной. Не прощай им ничего. Даже если... мои чувства будут сильны.

— Не прощу, — обещаю я.

— Живи, — шепчет золотая душа. — Живи за нас обеих...

Свет вспыхивает, тьма идёт разноцветными пятнами, калейдоскоп из всех красок радуги кружит перед глазами и...

Я ощущаю своё тело, земное притяжение... а точнее, твёрдую холодную поверхность под спиной. И после невесомости лимба это кажется поистине волшебным.

Нос чует запах ладана и свечного воска. Я делаю глубокий вдох и чувствую боль в лёгких, словно воздуха в них давно не было.

Раз-два... я дышу, и — господи! — как же это прекрасно! Хотя я и захожусь кашлем, хоть воздух и царапает горло так, словно я не дышала чёрт знает сколько.

Разлепляю глаза и вижу потолок, каменный, сводчатый, под ним — свечи в железных подсвечниках, их пламя слабо мерцает, половина уже прогорела и дымит.

Медленно поворачиваю голову, тело слушается, хоть каждое движение и отдаёт болью, не только физической, но и внутренней, словно мне недавно сделали операцию и забыли обезболить.

Я лежу на чём-то белом, наверное, мрамор, несмотря на боль в теле, крови на моём ложе нет. Рядом — пожилой в длинном монашеском одеянии и с седой бородой мужчина. Он поворачивается на звук моего кашля, смотрит на меня и улыбается:

— Драконья мать не дала умереть тебе, дитя, — говорит мягко, с облегчением в голосе. — Ты выжила, я молился Драконьей матери.

Я даже не пытаюсь говорить, горло саднит и без этого, кашляю снова.

Мужчина подходит ближе, помогает мне приподняться, подносит к губам чашу:

— Пей, дитя.

И я пью, жадно быстро, и эта холодная вода — самое вкусное на свете, что я когда-либо пила.

— Тихо, тихо, — шепчет старик, — медленнее, дитя. Ты была на волосок от смерти.

«Была...» — пока пью смотрю на свои бледные тонкие руки с длинными изящными пальцами и сбитыми костяшками.

Отдаю старику пустую чашку и трогаю себя за длинные волосы, кудрявые, мягкие.

Да, я явно в чужом мире и в чужом теле. Но теперь... оно моё. Я дышу, пью воду, чувствую боль — я жива.

Из тёмного проёма выходит высокий мужчина в средневековой одежде, поверх которой лёгкая кольчуга, на поясе замечаю меч. За ним входит высокая красивая женщина с заплаканным лицом:

— Мальяна, — она подходит ближе. — Я рада, что ты... смогла вынести передачу силы. Стражник проводит тебя в комнату, собери самое необходимое, завтра утром тебя повезут в обозе в Дикую Пустошь.

«Это мать...» — вспыхивает узнавание, чужая память внутри меня начинает шевелиться, просыпаться.

— Я надеюсь, ты будешь денно и ночью молиться, честным трудом и молитвами очистишь своё сердце от скверны, дочь моя, — она кладёт руку мне на голову. — Мне жаль, что так вышло, но ты сама виновата. Чудо, что такой сильный дракон согласился взять твою силу.

Я лишь молча опускаю голову, боюсь выдать себя неосторожным жестом или словом. Нужно помолчать, оглядеться, в конце концов, вспомнить, что произошло.

Стражник помогает мне подняться с мраморной доски, очевидно, алтаря, на котором я лежала, и подставляет плечо, потому что едва могу шевелить ногами, в теле слабость и боль.

«Мальяна...» — чужое имя оседает в сознании. Больше не чужое, отныне моё.

Я — Мальяна. Я жива, и... снова внедряюсь куда-то. На этот раз в свою жизнь.

И за эту жизнь мне нужно отдать должок, выполнить работу. Я отомщу всем виновным, как и обещала золотой душе.

А уж виновных я найду, в этом мне нет равных!

Ну вот и раскрылась завязка.

В этой книге я решила немного расписать завязку, не уместить всё в жалкие две страницы, а показать, сколь разными жизнями жили Галина и Мальяна, какие разные у них характеры, и как уязвимы они оказались перед лицом предательства.

Думаю, что завязка удалась!
 А теперь...

Теперь начинается самое интересное, вы даже не представляете что вас ждёт!

Пристёгивайте ремни, вот теперь начинается настоящая жара, за дело берётся майор ФСБ.

Кремень-баба Галина!

 Пока Галина осваивается в новом мире, я предлагаю вам историю, которая тоже началась с предательства.

Героиню этой книги, Лизу, скинул с лестницы муж, и она очнулась в теле жены дракона. Сделок не было, была лишь чужая боль, потому что муж предавался плотским утехам с лучшей подругой бедняжки Элисары в смежной спальне.

У Лизы нет миссии отомстить, она просто хочет быть собой в этом чужом мире, стать счастливой.

А как у нее это получается читайте, роман завершен!

Дракон желает нелюбимую жену

<https://litnet.com/shrt/-CRC>

#любовь #предательство #надежда

Моя вдохновляющая история здесь

<https://litnet.com/shrt/RO26>

Глава 5. Внедрение

Галина

Стражник подводит меня к двери и открывает её одним резким движением, словно боится, что сбегу или наброшусь на него, хотя я едва держусь на ногах и каждый шаг даётся с таким трудом, будто из меня вышли все силы. Под рёбрами словно разверзлась пустота, и это очень странное чувство: вроде не больно, но неприятно, ощущение, что вырвали кусок души и оставили зияющую дыру.

«Хорошо, что пустота не болит, как рана от острого ножа, — вспоминаю эту ослепительную чистую боль и в животе что-то отдаёт, фантомно, слегка, но всё же. — «У человека нельзя отнять воспоминания», — вспоминаю фразу из любимого фильма про психопата-маршала и невольно усмехаюсь: — Даже у тела их не отнимешь. Сейчас в новом теле я чувствую старую боль и сложно сказать, что хуже — боль физическая, или боль предательства».

Мать Лурда (услужливо подсказывает память), следует за мной, останавливается на пороге, будто боится осквернить себя близостью к опозоренной дочери.

— Мальяна, собирай вещи, — говорит она ровно, голос без единой эмоции, отработанный, дежурный, каким говорят с прислугой или малознакомыми людьми. — Возьми самое необходимое, только то, что сможешь унести сама. Вечером тебя отвезут в управу, там ты переночуешь в общей камере, а на рассвете поедешь с остальными в обозе на Дикую Пустошь.

«С остальными, значит, я не одна, там будут другие ссыльные, преступники, падшие, изгнанники и бог весть кто. Неплохо, будет шанс слиться с толпой, понаблюдать, не привлекая внимания, насколько это возможно в ситуации с бывшей невестой дракона...» — киваю молча, не доверяя своему голосу, который может выдать меня интонацией, акцентом, чем угодно — я пока не знаю, как должна звучать Мальяна, какие слова использовать, как строить фразы и смотреть на мать.

Лурда, надо сказать, красивая женщина, выходит из роли, превращаясь из ледяного истукана в обычного человека, и смотрит на меня долгим грустным взглядом, в котором сожаление и боль. Конечно, она же мать, ей не может быть в радость случившееся с дочерью. «Любимой дочерью», — снова услужливо подсказывает внутренний голос. Необходимость разбираться со ставшей неудобной, согрешившей дочерью выжигает ей сердце, но долг есть долг. Мгновение, и её лицо снова становится каменной маской благородной дамы, которая не позволит себе показать слабости.

— Молись, Мальяна, — добавляет она тихо, почти шёпотом, и в голосе слышится что-то настоящее, человеческое. — Проси Драконью мать, чтобы она простила тебе грехи, очистила твоё сердце от скверны и дала силы пережить то, что ждёт тебя в Пустоши. У меня сердце кровью обливается, я... буду молить её, чтобы дала тебе второй шанс, чтобы ты выжила там...

«Возможно, ваша Драконья мать уже дала мне второй шанс, и какой...» — смотрю на неё, но молчу. Ведь я не та, за кого будет молиться эта несчастная женщина.

Дверь закрывается с глухим стуком, эхо разносится по комнате, и я слышу, как снаружи поворачивается ключ в замке. Вполне ожидаемо: меня заперли, как преступницу, хотя формально я всё ещё дочь этого дома и ни в какой не в управе.

Ну да ладно, главное, я наконец-то остаюсь одна, могу хоть немного прийти в себя.

Стою посреди комнаты, прислушиваюсь к звукам, к своему ровному дыханию, к стуку сердца в чужой груди и медленно оглядываюсь, включая профессиональный режим.

Пока есть возможность, хорошенько осмотрю место происшествия, так сказать, проведу анализ обстановки и поиск возможных улик.

Итак, передо мной прежнее жилище Мальяны, хоть и ненадолго, посмотрим, что мы имеем.

Комната, довольно просторная, примерно двадцать квадратов, явно предназначенная для человека благородного происхождения, — это видно по высоким потолкам с массивными деревянными балками, украшенными резьбой. Только вот позолота на резьбе выглядит слегка пошарпанной — время оставило следы, которые почему-то не поспешили исправить ремонтом. На стене напротив двери высокое с тёмными стальными решётками окно, сквозь них и мутноватое стекло пробивается дневной свет, тусклый и серый, окрашивающий всё в холодные тона, с такими окнами в комнате постоянно должен гореть свет или свечи.

Подхожу к окну, раздвигаю шторы пошире, выглядываю: средневековый двор, вымощенный серым булыжником, конюшни вдалеке слева, за ними сад, крытая галерея справа, несколько слуг снуют туда-сюда с ведрами и метлами, мужчина, по всей видимости конюх, выводит лошадь.

Чужая память вспыхивает неожиданно, накатывает волной, и я вижу явно, отчётливо: та самая конюшня, сумерки, в замке празднуют помолвку Мальяны, а сама Мальяна, то есть теперь я, обнимается с темноволосым красивым юношей лет двадцати-двадцати двух. Чувствую его запах, приятный древесный, с нотками фруктового вина, что подавали за столом, тепло рук и губ, он нежно и сладко целует меня, а я шепчу: «Да, сегодня».

Он обнимает меня крепче, а потом расстилает светло-серый плащ с красивой серебряной вышивкой («Драконьей», — шепчет голосок внутри), прямо на земле в том укромном уголке, который почти не видно отсюда. Его глаза вспыхивают золотом, зрачки становятся вертикальными, змеиными, «драконьими», смотрят с нежностью и желанием. Его тёплые чуть жестковатые руки касаются кожи, он шепчет:

— Я люблю тебя, люблю, люблю, — повторяет это снова и снова, как заклинание...

«Это и есть он, лорд Теон Эннас, тот самый жених, что не вступился за невесту, которую так любил», — мысли о нём мои, холодные, анализирующие, а боль в груди не моя, пронзительная, исступлённая, обжигающая.

Отстраняюсь от воспоминаний усилием воли — не сейчас, разберусь потом, когда буду в безопасности, свыкнусь с этим миром и смогу спокойно проанализировать чужую жизнь и поведение каждого предателя в то роковое утро.

— Сосредоточься на настоящем, Галя, — шепчу себе и потираю руки, чтобы почувствовать себя и своё тело.

И этот безотказный приём срабатывает: боль в груди отступает, и я оборачиваюсь к комнате, чтобы продолжить осмотр.

У другой стены стоит массивная кровать с балдахином — добротное дерево, резные столбики, но лак потрескался, а бархатные занавеси, когда-то, судя по остаткам цвета, тёмно-синие выцвели до блёклого серо-голубого, выглядят чистыми, но пора бы и заменить. Постель смята, простыни скомканы, подушка сбита к краю — видимо, отсюда Мальяну и забрали сегодня утром. «Чтобы извлечь магию», — снова подсказывает память.

Вспышка, боль, яркое воспоминание... и теперь я знаю, как прошли последние мгновения жизни золотой души. «Здесь, в этой самой комнате, она легла спать в последний раз как невинная девушка накануне свадьбы, здесь её опоили, отсюда начался кошмар», — подхожу ближе к кровати, осматриваю прикроватную тумбочку. Довольно простая деревянная конструкция, один ящик, на поверхности стоят подсвечник с оплывшей свечой и бокал.

Беру его, поворачиваю в руках — хрусталь, хорошей работы и кристально чистый. Интересно, кто-то потрудился помыть бокал, но не потрудился прибрать скомканную постель. Улику номер один очень хорошо подчистили, если, конечно, Мальяна пила из этого бокала. Надо бы вспомнить.

Немного напрягаюсь и... чужая память послушно подбрасывает детали: вечер, красивая девушка с тёмно-русыми волосами («Эйра, сестра», — вспыхивает в голове) входит в комнату и предлагает провести последний сестринский вечер вместе, в её руках бутылка с вином и два бокала. «Малли, — шепчет она, — давай отпразднуем вдвоём...» Она же и разливает это вино по бокалам, вон у того стола, что подальше, повернувшись ко мне спиной. Если у неё было заготовлено снотворное или какое-то одурманивающее средство, то подсыпать его в этот момент труда не составило.

Вспоминаю, как Мальяна почувствовала горечь вина, и улыбаюсь наивности девушки: алкоголь со снотворным или наркотиком — классический способ вывести жертву из строя. Эйра, кстати, умело притворилась, что в её бокале вино тоже горчит, а потом очень быстро ушла, не проведя с сестрой и получаса: «Я пойду, сестрёнка, а ты ложись, поспи, завтра долгий день».

Ну-ну, действительно долгий, долгий и последний. Кстати, как она вышла из комнаты, Мальяна и не видела, её просто вырубил.

«Значит, сестра — первый подозреваемый, мотив очевиден: ревность, желание занять место невесты, любовь к жениху, зависть — классика преступлений такого рода».

Продолжаю осмотр, методично, как учили. Справа от кровати ещё одна тумбочка, на ней ничего интересного, книга в кожаном переплёте, закладка торчит посередине. Пролистываю, понимаю, что знаю буквы, они быстро складываются в слова: любовь, семья, муж — любовный роман, всё ясно.

У последней, четвёртой стены стоит массивный платяной шкаф из тёмного дуба, резьба на дверцах изображает драконов, выющихся вокруг стилизованного солнца — искусная работа мастера, но дерево потемнело, слегка потрескалось, а одна из дверей висит чуть криво, наверняка проблема с петлями.

Рядом со шкафом — туалетный столик, зеркало в некогда золочёной раме с такой же облупленной позолотой, как и во всей комнате, на столешнице — флакон, очевидно с духами, деревянная расчёска с несколькими застрявшими волнистыми волосками, шкатулка для украшений из инкрустированного дерева и пара свечей, основательно прогоревших почти до основания.

Подхожу к столику, сажусь на низкую скамеечку перед ним, смотрю на своё отражение.

«Вот она, Мальяна, а теперь я».

Бледное лицо, тёмные брови вразлёт, огромные серые глаза с поволокой усталости и боли, пухлые губы, небольшая ямочка на подбородке. Тёмно-русые кудри, длинные, спутанные, падают на плечи. Тонкая шея, острые ключицы, проступающие под полупрозрачной кожей. На правой щеке припухлость и царапина, вспоминаю пощёчину матери, как длинные ногти слегка оцарапали щёку.

«Симпатичная, но бледная, запуганная, выгляжу, как будто вернулась с того света, — невольно усмехаюсь, — неудивительно, учитывая, что технически я умерла и воскресла в чужом теле».

Открываю шкатулку, внутри бархатная красная подкладка, потёртая и выцветшая, и почти пусто: два простых серебряных кольца без камней, тонкая цепочка, которая явно носилась часто, судя по потёртостям на звеньях, брошь с тусклым зелёным камнем, похожим на малахит, в простой оправе, и... всё.

Для дочери аристократа, пусть и небогатого, весьма негусто, даже мало. Должно же быть какое-то золото, жемчуг, фамильные драгоценности?

«Они и были», — чужая память снова подкидывает воспоминания. Старые, судя по тому, как медленно-тягуче, подобно густой смоле они всплывают: Мальяна притаилась за книжным шкафом в кабинете отца, Бойрана. Пришла, чтобы положить книгу на место, но тут вошёл

он, и девушка скользнула за угол. В последнее время он не в настроении, и попадаться на глаза лишний раз не хотелось.

Он садится за стол, склоняется над бумагами, лицо осунувшееся. Через пару минут входит мать, её руки сжаты в кулаки, спина прямая, на лице недовольство:

— Бойран, почему до сих пор не оплачены ткани? Я хотела сшить новые платья девочкам, Мальяне скоро поступать в академию, нужно готовиться, гардероб юной леди не возникает из воздуха...

— Лурда, мы на грани банкротства, — глухо говорит Бойран, не поднимая головы.

— Как?! — она отшатывается.

— Военные сборы выкачали из казны последнее — его величество потребовал удвоить налоги на содержание армии, и я заплатил, иначе бы лишился титула, возможности заседать в палате, да ещё и на земли арест наложили бы... А до этого я неудачно вложился в акции Западной торговой компании, обещали двести процентов прибыли за год, выглядело надёжно, говорили, мол, у них были контракты с королевским двором. А эти... — он грязно ругается, — обанкротились за три месяца. Главный управляющий сбежал с деньгами за море, и все вкладчики остались ни с чем. Кто бы мог подумать, такие приятные люди, и на тебе!

Лурда молчит, только губы сжимаются в тонкую линию.

— Ещё беда с лордом Арентайном, — продолжает Бойран, и голос звучит совсем уж безнадежно. — Дал ему займы пятнадцать тысяч золотых под честное слово, без расписки, потому что наши семьи дружили сколько себя помню, он был свидетелем на свадьбе родителей... Его поместье сгорело дотла вместе с урожаем и скотом, поджог устроили чёрные диверсанты. Он разорён полностью, живёт сейчас в бывшем доме прислуги, практически на милостыню, платить ему нам нечем, и неизвестно, сможет ли он когда-нибудь отдать долг, ведь Эспена, его сына, убили в той бойне при Микане два года назад.

— Что же нам делать? — шепчет мать, и в голосе слышится паника, которую она пытается скрыть, но не может.

— Выживать, — жёстко отвечает Бойран, и Мальяна слышит в его голосе отчаяние и ярость. — Урезать расходы до минимума. Рента с крестьян уже собрана на два года вперёд, я выжал из них всё, что мог, больше брать не стоит, иначе начнётся бунт. Деньги теперь тратим только на самое необходимое: минимум прислуги, простая еда, оплата управляющего и стражи. Всё остальное — роскошь, которую мы больше не можем себе позволить. Украшения нужно продать, кроме самого необходимого для приличия. Новые платья... Только, чтобы найти девочкам удачные партии. В академию Мальяну мы теперь отправить не сможем, платить за её обучение нечем. Вместо учёбы ей теперь нужно искать жениха, достойного, богатого.

— Бойран... Неужто мы будем продавать своих дочерей?! — Лурда переходит в защиту: — Не для этого мы их растили. Тем более Мальяна! Она... она одарённая, у неё есть будущее, сможет стать придворным магом!

— Лурда, нам скоро будет нечего есть, как ты не понимаешь! Учёба Мальяны для нас сейчас неподъёмная ноша! — и Бойран ударяет кулаком по столу. — Повторяю, теперь и ей, и Эйре придётся подумать о будущем и поискать хороших женихов, и лучше не затягивать... У Мальяны не за горами Бал Первого огня, вот к нему, а не к академии и готовь её. Выходя в свет, она должна блистать, а сами мы... балы больше устраивать не можем, надо держаться на плаву, кормить дармоедов нам не по карману.

Из своего закутка Мальяна видит, как мать кусает губы.

— Драконья мать! Как раз перед тем, как девочки начинают входить в возраст согласия... Неужто мы их не выдадим нормально замуж?

— Их удачное замужество — наше спасение, — чеканит Бойран. — Если посватается кто-то стоящий, то мы раскошелимся и на свадьбу, и на всё, что должно, если за невесту дадут хороший откуп. Поэтому на Балу Первого огня Мальяна должна выглядеть так, будто никаких

проблем у нашей семьи нет, проследи за этим. Всё должно идти как по маслу, никто ещё не знает о нашем бедственном положении, мы вполне можем рассчитывать на хорошую партию...

Память отпускает, и я сижу перед зеркалом, глядя на своё новое лицо. Картина упадка семьи складывается в голове: семья на грани банкротства, отчим влип в финансовые неприятности, мать в панике, и единственное спасение — выгодный брак старшей дочери с богатым лордом-драконом.

Мальяна была не просто невестой, она ценный товар, единственный актив, который может спасти семью от разорения и позора, от потери титула, земель и уважения.

А потом свадьба срывается, невеста опозорена, и на её место встаёт младшая сестра — запасной вариант, который, судя по всему, давно ждал своего часа, более того, подгадывал и гадил, чтобы скинуть с этой шахматной доски более везучую сестру.

Мотив миленькой сладенькой Эйры становится ещё очевиднее: она получает и богатого мужа, и высокий статус, и роль спасительницы семьи — всё, что должно было достаться старшей сестре.

Молодец, сестричка, несмотря на ревность и жадность, всё хладнокровно спланировала, просчитала возможные варианты. Даже не замарала рученьки убийством, просто опоила и бросила тень на честь сестры, растянула убийство во времени, ведь изгнание в Дикую Пустошь — это медленная смерть, которая оставляет руки чистыми. Если, конечно, пережить лишение силы, которое опять же делает кто-то другой... Закрываю шкатулку, поднимаюсь с места.

У стены, между шкафом и окном, стоит небольшой дорожный сундучок — потёртая кожа, железные оковы, массивный замок с ключом на цепочке. Видимо, сюда я и должна сложить свой скарб изгнанницы.

Посмотрим, что у нас в шкафу. Отрываю дверцу с небольшим скрипом.

Внутри аккуратно сложена немногочисленная одежда: несколько повседневных платьев из простого льна, крашеного хлопка, одно явно парадное — поношенное бархатное, есть и тёплое, грубой шерсти. Цвета в основном серые, тёмно-зелёные, синие, никаких ярких цветов, рисунков, кое-где вышивка, ткани недорогие.

Вспоминаю: новый гардероб собрали для переезда в фамильный замок Эннасов, ведь ещё и там будут играть свадьбу, теперь уже со стороны жениха. А здесь осталось то, в чём обычно ходила Мальяна, всё, что было покрасивее да подороже, достанется счастливой жёнушке Эйре.

Открываю сундук и складываю в него нижнее бельё из хлопка, кое-где штопанное, толстый шерстяной плащ с капюшоном, пару тёплых чулок, потёртые кожаные перчатки, пару платьев.

В ящике с нижним бельём нахожу позвякивающий при каждом движении кожаный мешочек. Развязываю шнурок, высыпаю содержимое на ладонь: девять серебряных монет среднего размера с чеканным профилем короля в короне, пять медных монет поменьше и одна золотая, самая крупная.

«Личные сбережения Мальяны, её карманные деньги, кажется, это немного, но лучше, чем ничего», — заворачиваю мешочек в льняное платье и продолжаю изучать добро в ящиках.

Обнаруживаю книгу в потрёпанном кожаном переплёте, углы стёрты, корешок потрескался, страницы пожелтели по краям. Открываю первую страницу и понимаю, что это не книга.

Аккуратный почерк, почти без клякс:

«Мой личный дневник. Начинаю в пятнадцатый год моей жизни. Мальяна Ренфорд, дочь лорда Бойрана Ренфорда и леди Лурды Ренфорд».

«Дневник — это золото для следователя, здесь могут быть записи о встречах, чувствах, подозрениях, деталях, которые помогут восстановить картину».

Листаю дальше, пробегаю глазами по записям: девичьи мечты о балах, недовольство преподавателем этикета, восторги по поводу нового платья, переживания из-за ссоры с подругой, мелочи обычной жизни благородной девушки.

Вот и последние страницы, совсем другие, на лицо взросление, мысли о Бале Первого огня и о Теоне: «Сегодня лорд Теон Эннас приехал в наш дом для ежегодной охоты на вепря, единственное светское мероприятие, что мы теперь можем себе позволить. После месяцев тайной переписки, после того танца на балу... Когда снова увидела его вблизи, у меня перехватило дыхание — так он красив: тёмные волосы до плеч, карие глаза, в которых то и дело мерцает драконье золото, а когда он подле меня, то зрачки становятся вертикальными. Говорят, так бывает у драконов, когда они испытывают сильные эмоции. Неужели... неужели он и правда влюблён в меня, и я всё это не придумала? Драконья мать, сильный дракон, высокий, широкоплечий, влиятельный и, кажется, очень богат... Когда он улыбнулся мне за ужином, я почувствовала, такое сильное сердцебиение, что даже испугалась, ведь нельзя так сильно любить кого-то. А я люблю, теперь в этом нет сомнений... Всё, как пишут в книгах, теперь я знаю, это правда, ведь впервые в жизни по-настоящему влюбилась».

От этих строк так и веет девичьей влюблённостью. Переворачиваю страницу, читаю о милых наивных мечтах в стиле розовых пони.

Вот уже интереснее: «Сегодня он впервые поцеловал меня — мы были в дальнем углу сада, где старые дубы закрывают поворот дорожки от посторонних глаз, Теон притянул меня к себе, поцеловал так страстно, что у меня закружилась голова, и сказал, что хочет просить моей руки... Большого счастья я и не желаю: хочу быть с ним всегда, хочу стать его женой не только по долгу и расчёту, но и по любви».

Пролистываю ещё несколько страниц — записи становятся интимнее, подробнее, и я понимаю, что читаю описание их тайных встреч, поцелуев, объятий.

А вот и первая близость, прямо на пире в честь помолвки: нежность... серый плащ... боль... его губы... пятна крови... я так его люблю!»

Читаю и чувствую отголоски эмоций Мальяны: нежность, трепет, любовь. Теон был божеством для этой девочки.

Только вот теперь я знаю, чем это всё закончилось — предательством. Он знал, что крови на простынях быть не могло, знал, что это невозможно, и всё равно отвернулся...

Закрываю дневник, кладу в дорожный сундук. Это могло бы быть уликой, которая хоть как-то защитила бы Мальяну, но уже слишком поздно: силу отняли, семья счастливо решила денежный вопрос и выдала за богатого сына лорда свою младшенькую, а жених... жених парень интересный. Весьма занятный, я бы сказала.

И покоя не даёт вот что: Мальяна любила его искренне, наивно, всем сердцем, отдала ему себя полностью, верила каждому слову. Он же публично отрёкся от неё, назвал потаскухой, хотя прекрасно знал, что никакой крови не должно было быть. Почему? Что заставило его так поступить? Почему влюблённый прекрасный принц из сладенькой сказочки не защитил свою принцессу и не увёл в прекрасное долго и счастливо? Ведь он прекрасно знает правду, и это значит...

Ему это выгодно, и луноликий ясноглазый Теон в сговоре с Эйрой!

Но зачем? Выбрал бы сразу её, Ренфорды с удовольствием отдали бы ему сразу младшую. За руку юного дракона никто не тянул, не заставлял, переспали они только после помолвки, которая состоялась гораздо позднее охоты на вепря. В чём тогда дело?

Выбираю самое добротное платье из оставшихся и начинаю переодеваться: «Давай подумаем логически, Галя. Что такого получил Теон, женившись на Эйре, а не на тебе, то есть Мальяне?

Приданное — всё то же — никакое. Сказать, что Эйра в миллион раз красивее — ну нет. Смазливая, миленькая, но не более. Думай, думай, ду...

Вот чёрт! Мать Мальяны ведь сказала что-то про силу, перед тем как жрец выполнил этот чудовищный ритуал: «Чудо, что такой сильный дракон согласился взять твою силу...» — и до меня доходит. Вот что будет с силой, которую отняли у Мальяны. Это те самые уступки,

на которые был готов пойти Бойран, рассыпающийся любезностями перед богатеньким мальчиком, — вспоминаю его слова о том, что Эйра, мол, сильнее и одареннее, а он готов на всё...

Ложь, откровенная ложь — Эйра никогда не была сильнее и одареннее. Вот я — сильная, точнее, была сильной: когда жрец в Храме Пламени определил уровень моей силы, то родители даже поговаривали о том, чтобы отправить меня в академию в столице. Даже оплачивали дополнительные занятия, готовили потихоньку. Естественно, когда инвестор года Бойран просрал все семейные деньги, разговоры об этом быстро поутихли. Но Эйра никогда не была сильнее меня, никогда! И что же станет с той силой, что у меня отняли?»

Надеваю серые хлопковые чулки и пытаюсь вспомнить, всё, что Мальяна когда-либо слышала о таких наказаниях, жестоких, а потому редких, ведь ни один родитель не обречёт собственное дитя на такую ужасную участь.

«Ну почему же ни один... Бойран, которого Мальяна считала отцом, обрэк, мать не сказала ни слова против. Более того, что-то мне подсказывает, что об этом никто и никогда не узнает, всё останется в узком кругу сопричастных: родители Мальяны, змея-Эйра, Теон, старый жрец и Стин», — сердце разрывается от боли, и я встаю с кровати, начинаю мерить шагами комнату, чтобы хоть как-то унять чужие чувства.

«Отставить страдания, они тебе никто, — одёргиваю себя, — думай. Вспоминай!»

И я вспоминаю, о старой сплетне, свидетелем которой Мальяна стала на одном из светских вечеров, когда в семье ещё были деньги. В то время Ренфорды устраивали ежегодный пикник, и картинка так и стоит перед глазами: в саду горят магические сферы, повсюду нарядные люди, веселятся, пьют десертное вино, снуют слуги с подносами закусок, а вот леди Сабина, жена лорда Болтона, оглядывается по сторонам и тихим голосом рассказывает матери прелюбопытнейшую историю. Мне лет девять, я играю в куклы с Эйрой, и никто не обращает особого внимания на двух девочек, увлечённых игрой, так что, не смотря на весёлый смех сестры, до меня доносятся обрывки разговора:

— ...да-да, ходят слухи... неспроста старший сын Контонов, слабенький Лукас, так стремительно поднимается по карьерной лестнице.

— Думаешь, старый Горран кому-то дал денег? — голос матери такой же тихий.

— О, нет, откуда у этих бедолаг такие деньги... Я слышала, Контоны лишили младшую дочь силы за то, что та принесла в подоле, и, едва она родила, провели ритуал, а потом сослали в монастырь.

— Да ты что?! — в голосе матери ужас.

— Да-да, а потом её силу отдали Лукасу... — голос леди Сбины становится ещё тише, — а ведь Порша была сильной...

— Какой кошмар, — голос матери глухой, — бедная девочка...

— Сама виновата, — хмыкает леди, — нужно было блюсти девичью честь... Хорошо хоть ритуал пережила, говорят, едва не отошла к Драконьей матери...

Воспоминание тает дымкой, а я начинаю понимать мотивы любимого.

«Может быть, его опоила Эйра?» — надеется чужое сердце.

Может, и так, а может, и нет. Теон, конечно, силен, а его отец, старый лорд Эннас — советник его величества, сыну должность при дворе обеспечена в любом случае, в такой семье можно было родиться и слабым, всё равно будущее было бы самым радужным. Но ведь мы не знаем пределов человеческой жадности, может... может, у парня очень амбициозные планы на будущее и дополнительная сила бы не помешала? А тут такое удачное стечение обстоятельств: и женился на интриганке Эйре, и поиграл вволю с доверчивой Мальяной... и силу её получил...

В груди, там, где зияет пустота, болезненно ноет, не хватает чего-то. «Понятно чего, — прислушиваюсь к телу, к воспоминаниям, — не хватает силы, которую буквально вырезали из меня и поместили в закрытый стеклянный сосуд». Снова смотрю на себя в зеркало. Вот она

я, вроде и целая, а вроде и ампутировали у меня что-то жизненно важное, без чего Мальяна не смогла.

А я смогу! Даст бог, ещё и верну, главное — оклематься, прийти в себя.

Пока что слишком много вопросов и слишком мало ответов и времени, похоже, что с уликами не густо, да и не нужны они уже никому, а допросить свидетелей сейчас точно не получится.

Остаётся одно — вспомнить всё, что знает Мальяна, и действовать по ситуации.

«Шикарный план, десять из десяти, — не могу удержаться от самоиронии. Поднимаюсь с колен, закрываю сундук. — Иди туда, не знаю куда, сделай то, не знаю что...»

Хотя, если удастся вырваться из Дикой Пустоши, то я знаю, с кого начну — с самого слабого звена, лже-друга детства Стина. Его либо подкупили, либо запугали, либо и то, и другое. Готова поспорить, наказание для него будет не таким суровым, как для меня, если его вообще как-то накажут...

Снова подхожу к зеркалу и усмехаюсь, глядя на щёку со следами удара. Бывало и хуже. Помню, как контрабандисты у меня вырвали ноготь во время пыток и отбили почки... а я держалась и не выдала себя.

«Справлюсь и здесь, у меня есть опыт, навыки, холодная голова и железная воля. Мальяна, ты выбрала правильно! — прикасаюсь рукой к холодной тёмной глади. — Я про-рвусь!»

В коридоре раздаются шаги и голоса, наверное, идут за мной, прислушиваюсь, шаги всё ближе. Едва успеваю быстро надеть потёртые, но крепкие кожаные ботинки на низком каблучке, как раздаётся щелчок, и дверь открывается.

— Пойдём, Мальяна, — на пороге стоят мать, отчим и два стражника. «Любезная сестрица и милый женишок не пришли попрощаться», — отмечаю про себя.

Бойран кивает на сундучок, и один из охранников подхватывает мои немногочисленные пожитки.

Мы спускаемся в холл, и, пока идём по полутёмным коридорам замка, мне кажется, что из каждой щели на меня смотрят любопытные острые глаза. Конечно, как могут слуги пропустить такое зрелище — опозоренная и лишённая силы бывшая драконица покидает отчий дом, чтобы отправиться в изгнание.

«Ничего, я выберусь, у меня есть то, чего не было у Мальяны, — умение выживать в экстремальных условиях, манипулировать людьми и убивать, если потребуется».

На войне все средства хороши, и пусть эту битву я пока проигрываю, но все следующие выиграю во что бы то ни стало.

Хотите злодейку?

Поздравляю, вы её получите! Самую настоящую, холодную и безжалостную. Я не посмотрю, кем вы были для Мальяны прежде, все вы заплатите за содеянное.

Это моё задание. А я всегда довожу работу до конца.

Мои дорогие!

Я приглашаю вас в свою новинку про ещё одну сильную попаданку!

Проданная. Лекарка бывшего дракона.

<https://litnet.com/shrt/ELHM>

Что если ты перенесла 4 эко и не смогла родить?
 Всё просто: попадаешь в тело юной деревенской знахарки, которая только что родила от дракона-врага.

Изнанница и отверженная с младенцем на руках?

Как бы не так! Светлана, а теперь Лея, справится.

Только вот судьба делает крутой поворот и на неё надевают рабский ошейник.

Кто её купил угадаете?

Проверить свои догадки вы можете здесь:
<https://litnet.com/shrt/t171>

Глава 6. Дорога начинается

Галина

Экипаж ждёт у крыльца, тёмный, закрытый, с маленькими зарешёченными окошками — больше похож на катафалк, чем на средство передвижения. Стражники уже загрузили сундук, теперь оглядываются на меня.

Бойран стоит поодаль, руки за спиной, лицо непроницаемое. Не подходит, не заговаривает, даже не смотрит в мою сторону. Для него я уже не существую, вычеркнута из семейной истории, как неудачная инвестиция, не приложившая усилий для улучшения материального положения у родственничков.

Мать же... мать подходит. Медленно, словно каждый шаг даётся с трудом.

— Мальяна, — голос тихий, надломленный.

Смотрю на неё — на красивое лицо с лёгкими морщинками у глаз, какие бывают обычно от улыбки, на сжатые губы, на руки, нервно теребящие край расшитого платка.

«Она страдает по-настоящему...» — замечаю, как от нервов у Лурды едва заметно дёргается нижнее веко правого глаза. Но это не отменяет того факта, что мать Мальяны позволила всему этому случиться.

Она порывисто обнимает меня, быстро, крепко, и в этом объятии столько отчаяния, что на секунду эмоции Мальяны накатывают волной: «Мама, мамочка, не отпускай, защити, скажи, что это ошибка...»

Вынырываю из этой удушающей волны силой воли. Не расклеивайся, не сейчас.

Мать целует меня в щёку, а её рука скользит к моей, мгновение... и что-то небольшое, но увесистое проскальзывает в ладонь — мешочек, кожаный, туго завязанный.

— Я буду молиться за тебя, — шепчет она мне прямо в ухо так тихо, что больше никто не слышит. — Каждый день. Драконья мать милосердна. Она поможет тебе... Она тоже мать... Она...

Голос обрывается, женщина отступает, всхлипывает и прижимает платок к глазам, пока я быстро прячу мешочек, запихиваю его под пояс и надеюсь, что его никто не заметит.

«Спасибо, мама, хоть что-то. Деньги никогда не повредят, особенно, если ты лишена магии и отправляешься в ссылку со всяким сбродом...» — кутаюсь в плащ, делаю вид, что мне холодно.

— Прощание окончено, Лурда, иди успокойся, выпей вина. Говорил же, тебя это только расстроит, — голос Бойрана звучит громко и властно. — Нам пора, хочу вернуться к ужину домой, её ещё нужно оформить...

Стражник открывает дверцу экипажа, кивает мне, мол, давай залезай.

Забираюсь внутрь, сиденье жёсткое, обитое потёртой кожей. Пахнет лошадьми и какой-то затхлостью, как будто долгое время этим экипажем не пользовались и он стоял где-то во влажном месте.

Дверца захлопывается, щёлкает замок снаружи.

Прислушиваюсь, как Бойран отдаёт распоряжения кучеру, а потом экипаж дёргается и трогается с места.

Смотрю в маленькое зарешёченное окошко — мать стоит на крыльце, платок прижат к лицу, плечи сотрясаются от рыданий. Мальчишка-подросток подводит Бойрану гнедую лошадь, и отчий дом Мальяны пропадает из виду.

«Прощайте, но не навсегда, однажды мы увидимся ещё. Обязательно увидимся...»

Экипаж нещадно трясёт, колёса скрипят, на жёстком сиденье чувствую каждую выбоину, а их тут много, невольно вспоминаю свою последнюю поездку — раздолбанный УАЗик

и белизну снега за окном. Дёргаю дверь и понимаю, что замок крепкий и изнутри мне его не открыть.

«Ну естественно, дураков нет, кто бы дал мне такую возможность...» — достаю мешочек и внутри ожидаемо оказываются деньги: крупные монеты, золото и серебро, а ещё медальон с гравюрой матери. На душе становится немного легче, пусть я пока на дне, но хоть кто-то и хоть как-то меня поддержал.

— Спасибо, Лурда, — поглаживаю ребристую гладь медальона и складываю его обратно, тщательно прячу.

Осматриваю окно и понимаю, что, хоть тарантас и старый, но добротный, мне отсюда не сбежать. Берусь за поручень точно так же, как и в том сектантском УАЗике, и в быстро сгущающихся сумерках пытаюсь разглядеть, что же за окном в этот раз.

Не горы и снег, а тёмная зелень деревьев, деревянные простенькие домишки крестьян близ замка, потом поля, а потом каменные дома, и с ними на смену кочкам и ямам приходит брусчатка, на которой вибрации меньше, но зубы всё ещё выбивают дробь с непривычки к местному транспорту.

Едем по городу где-то с час, пытаюсь запомнить дорогу: вон приметная продуктовая лавка с мерцающими огоньками «У Марит», вон причудливая вывеска в виде огромного кренделя, вон похожая на античную статуя женщины в роскошных одеждах. В этой тряской коробке время тянется медленно, но я извлеку максимальную пользу, потому что однажды вернусь в отчий дом, и вовсе не с миром.

Лошади сбавляют ход, и мы, наконец, останавливаемся.

Всё тот же стражник открывает дверь.

— Выходите, — кивает, и мне кажется, что в его глазах мелькает сочувствие.

Вылезаю и оказываюсь перед серым каменным зданием в два этажа, от него так и веет провинциальным госучреждением: узкие окна, решётки, над входом — рисунок, на котором изображены щит, меч и весы. Если внутри на потолке ещё будет серенькая картонная плитка в крапинку, а на подоконниках — горшки с чахлыми цветами, то сходство будет десять из десяти.

Понятно без слов, что меня привезли в управу, местную тюрьму и суд в одном флаконе, на пороге которой уже стоит Бойран, мрачный, руки за спиной, на лбу морщина задумчивости.

— Ступай за мной, — все слова, каких я достойна. Да и зачем — малышка Эйра постаралась на славу, чтобы я стала той, про которую говорят «в семье не без урода». Со мной теперь только так, хорошо хоть на площади публично не секут...

Понимаю, что брыкаться нет смысла, всё равно догонят, вернут, только хуже будет, поэтому послушно иду за ним, позади нас тихой тенью следует стражник.

Мы входим, и серенькой плитки на потолках нет, иллюзия сходства рассеивается: добротная деревянная отделка, массивные деревянные лавки вдоль стен, дорогие магические лампы под потолком. Бойран явно знает, что делать, идёт уверенно, кому-то по пути кивает в приветствии, но не останавливается. Потом открывает массивную дверь, и мы оказываемся в просторном тёмном кабинете с тёмно-зелёной отделкой.

За столом сидит уса́тый мужчина средних лет с недовольным лицом в неприметном сером камзоле, тот, кто будет вершить мою дальнейшую судьбу, судя по всему.

— Господин староста, — говорит Бойран официальным тоном, — как глава семьи Ренфорд, я, Бойран Ренфорд, отправляю эту... — и бросает на меня презрительный взгляд, — эту блудницу и клятвопреступницу в Дикую Пустошь. По праву главы семьи и согласно закону о падших.

Усач хмурится, смотрит на меня, потом на Бойрана.

— Блудница? — переспрашивает он и бросает сальный взгляд. — Лорд Ренфорд, я не могу просто так отправить благородную девушку в ссылку без подробностей и суда. Что, если

завтра вы решите вернуть её обратно... Поймите, тут дороги назад нет, такие дела должны рассматриваться в суде, я не могу рисковать своей репутацией.

— Господин Пойзар, — Бойран улыбается и достаёт из кармана несколько золотых, — мы не хотели бы распространяться о своём семейном позоре. Это... деликатный вопрос, на кону честь семьи, к тому же наша Эйра только что сочеталась браком с лордом Эннасом, к чему ей и сыну советника такие пятна на репутации... Можно всё сделать негласно, без лишних разговоров и расследований?

Староста смотрит на золото, кажется, ещё мгновение и его усы по-тараканьи зашевелиятся — такая алчность у него на лице.

— Ну... — он почёсывает подбородок, — я понимаю, лорд Ренфорд, семейная честь — дело важное. Конечно, можно решить вопрос... по-тихому.

Мгновение, и монеты исчезают со стола.

— Только, — добавляет он, — мне нужна хоть какая-то бумага. Заявление, прошение... что угодно с вашей подписью.

— Разумеется, — Бойран протягивает сложенный лист пергамента. — Вот, всё приготовлено заранее.

Пойзар натягивает очки, разворачивает пергамент, пробегает глазами и кивает:

— Хорошо, принято! — смотрит на стражника. — Увести в камеру.

— Ещё одно, — Бойран делает шаг вперёд, голос становится тише, — посадите её в хорошую камеру. Не к сброду. И... хорошо покормите, она всё-таки... была мне как дочь.

«Видимо, недостаточно, раз ты так охотно купился... — украдкой наблюдаю за реакцией старосты. — Хотя и на том спасибо: этот Пойзар, судя по сальным взглядам не прочь лично расспросить меня о так называемом падении и грехе блудницы...»

Тот усмехается:

— За отдельную плату, лорд Ренфорд, всё что угодно.

Бойран молча кладёт на стол ещё пару серебряных монет.

— Договорились, отдельная камера, приличная еда, — на лице коррупционера масляная улыбочка, и он машет рукой стражнику: — Веди уже!

Тот молча открывает дверь и проводит меня по узкому коридору, потом вниз по каменной лестнице. Здесь уже не так светло и приятно, мельком вижу большую камеру с облупленными стенами, на полу грязь, в углу какой-то пьяный храпит на лавке, другой ковыряет пальцем в беззубом рту. Дальше, становится совсем неприятно: пахнет сыростью и мочой, стены влажные, где-то капает вода, слышны глухие стоны и ругань из других камер.

Поворачиваем за угол, здесь чуть светлее и тише, останавливаемся у двери с железной решёткой, напротив которой даже горит что-то похожее на факел.

— Пришли! — стражник открывает, толкает меня внутрь. — Камера для особых заключённых, даже окно есть, но сбежать не надейся, сиди тихо, — бросает он. — На рассвете повезут в Пустошь.

Дверь захлопывается, ключ поворачивается в замке.

А я слышу чей-то всхлип, зажмуриваюсь, чтобы побыстрее привыкнуть к темноте, потом открываю глаза и вижу, что на одной из коек в самом углу сидит девушка.

Молодая, лет двадцати двух-двадцати трёх, хорошее платье, длинные светлые волосы заплетены в растрёпанную косу, лицо бледное, глаза красные от слёз. Правая рука прижата к груди неестественно, под странным углом.

«Сломана», — оглядываюсь, разглядываю место, где предстоит провести ночь. Камера небольшая, метра три на четыре, и всё, что в ней есть, две жёсткие деревянные койки у противоположных стен, отхожее ведро в углу да маленькое окошко под потолком, но сейчас через него пробивается лишь скупой лунный свет.

— Я Мальяна, — улыбаюсь и подхожу ближе.

Девушка вздрагивает, смотрит на меня испуганно, но потом понимает, что я не просто-людинка, и шёпотом выдыхает с облегчением:

— Слава Драконьей матери... Я уже испугалась, кого ещё привели. Думала, какую-нибудь воровку или... или хуже.

Сажусь на свободную койку.

— За что тебя? — стараюсь, чтобы голос звучал мягко, по-дружески.

Она всхлипывает, вытирает глаза здоровой рукой:

— Да так... подставили и выставили убийцей мужа.

«Всё по классике, все мы тут невиновные...»

— Подставили? — разыгрываю самое живое участие.

Она кивает, губы дрожат:

— Муж умер — сломал шею. Он с приёма вернулся такой хмельной, что на ногах еле стоял, а у нас в доме лестница крутая, я сама чуть не упала однажды... Шиган пошёл наверх и споткнулся... Я... я была в своей спальне, услышала шум, побежала, а там... — она хватается губами воздух, задыхается от эмоций.

— Тише-тише, успокойся, — сажусь рядом и кладу руку ей на плечо.

— Я ничего не делала, клянусь! А его брат заявил, что я толкнула, потому что хотела избавиться от мужа, чтобы прибрать деньги и земли к рукам. Но это ложь! Я... я любила его... Хоть сирота и бесприданница. Да я... я бы никогда, он столько для меня сделал, мой Шиган... — она беззвучно плачет.

«Не похоже на вранье, да и она такая щедрая, худенькая, куда такой толкнуть мужика с лестницы... Скорее, это выглядит как классический делёж наследства: нарисовался алчный родственник, раз, и ты уже виновна. Особенно, если тот сунул на лапу кому-нибудь типа этого Пойзара. А уж в том, что коррупция здесь процветает, я убедилась буквально пятнадцать минут назад».

— А тебя? — она поднимает на меня красные заплаканные глаза. — За что?

Пожимаю плечами:

— Подставили и выставили блудницей.

Она охает, прикрывает рот рукой:

— Драконья мать... Как?

— Опоили накануне свадьбы, подкинули мужчину в постель. Утром жених пришёл за невестой, а там... — горько усмехаюсь. — Скандал, позор, разрыв помолвки.

— Какой ужас, — шепчет она, отвлекаясь от своего горя. — Но кто мог...

— Сестра, — отвечаю коротко. — Хотела занять моё место, и у неё получилось.

Девушка молчит, переваривает информацию.

— Меня зовут Клара, — наконец говорит она тихо. — Леди Клара Монт.

— Мальяна, — отвечаю равнодушно. — Леди Мальяна Ренфорд.

Она кивает, вытирает слёзы:

— Хорошо хоть в отдельную камеру посадили... Я слышала крики из других... там страшно. Женщины дерутся, бранят друг друга... Я боялась, что меня... Итак рука, похоже, сломана, так ещё и раздели бы догола, отобрали вещи. И Пойзар этот с его ухмылкой... — Клару передёргивает от отвращения.

Не договаривает, но и так понятно.

— Не бойся, — говорю спокойно. — Пока мы вместе, никто тебя не тронет.

Она смотрит на меня благодарно, кивает.

— Большое тебе спасибо. Мне так страшно, ты не представляешь...

Мы тихо разговариваем о нашем прошлом, в основном говорит Клара, а я слушаю и мотаю на ус всё, что узнаю от товарки по несчастью.

Неожиданно приближаются тяжёлые шаги по коридору — нам приносят ужин, стражник просовывает через решётку два деревянных подноса: миски с густой похлёбкой — пахнет капустой и чем-то мясным, кусок сыра, пара ломтей чёрного хлеба, кружки с водой.

«Обещанная «приличная еда», по меркам тюрьмы, наверное, почти пир...» — чувствую, как желудок сосёт от голода, и понимаю, что съела бы сейчас и камень — так я голодна.

Беру поднос, отдаю Кларе её порцию, сажусь на кровать, начинаю есть деревянной ложкой. И эта капустная похлёбка, пересоленная, с жирными разводами на поверхности и кусочками какого-то мяса, похоже, свинины, кажется мне самым вкусным, что я когда-либо ела. Тело Мальяны истощено, и я ем, наплевав на этикет, жадно и быстро. Клара ест медленно, одной рукой, морщится от боли. Я доедаю и помогаю ей — придерживаю миску, пока она черпает ложкой.

— Спасибо, — шепчет она.

— Не за что.

Потом стражник забирает пустые подносы и гасит факел в коридоре.

— Спать, — бросает он. — Подъём утром ранний...

Темнота накрывает камеру. Только через маленькое окошко пробивается слабый лунный свет.

Ложусь на койку. Жёсткая, неудобная, но хоть не воняет.

«Ничего, спала и в худших условиях. Вспомнить хотя бы тот подвал в глухой деревне на границе, где два дня прятались от контрабандистов...» — прикрываюсь тонким шерстяным одеялом и закрываю глаза.

Клара бормочет слова молитвы перед сном, тихонько всхлипывает на своей койке.

«Хорошая девушка, вряд ли убивала... Хотя внешность бывает обманчива. Я вон от Леры не ждала того, что она сделала, всегда тихая, спокойная, немного мечтательная, а нож в меня вонзила. И не единожды... Тут тоже всё может быть, да и не моё это дело, мы с ней сейчас в одной лодке...» — проваливаюсь в сон, даже не успев додумать мысли. Тело так измотано, что энергии нет даже полежать и прислушаться к себе.

Глава 7. Дорога продолжается

Галина

Просыпаюсь от грубого окрика:

— Подъём! Быстро!

Открываю глаза: ещё темно, только-только рассветает, серый сумрак пробивается через окошко.

Стражник стоит у решётки, стучит дубинкой по прутьям:

— Вставайте, обе! Выход во двор! Без завтрака!

Поднимаюсь, разминаю затёкшую шею. Клара тоже встаёт, морщится, видимо, рука болит ещё сильнее после ночи на жёсткой койке.

Нас выгоняют в коридор, даже не дав умыться, потом ведут какими-то окольными коридорами, и вот мы поднимаемся по каменной лестнице. Мощёный двор управы, утренний холодный воздух, свинцовое серое небо и хмурые лица других арестантов — вот теперь моя реальность.

Во дворе стоят две большие повозки, большие, с высокими бортами и решётками вместо стен — самые настоящие клетки на колёсах. Воронье лошади («Особые дуранские», — всплывает в памяти) нетерпеливо переступают, тихонько ржут и рвутся в дорогу.

В одной повозке сидят мужчины, грязные, пропитые — отребье. В другой — две женщины, простолюдинки, судя по грубой одежде. Одна — полная, краснолицая, лет сорока, с жёстким лицом и цепкими глазами. Вторая — помладше, худая, с выбитым передним зубом и злой ухмылкой.

«Скорее всего, будет стычка, — сжимаю челюсти так, что ходят желваки. — Ничего, я прекрасно помню всё, чему училась, а их всего двое...»

Стражник открывает дверцу повозки с женщинами:

— Залезайте.

Я поднимаюсь по ступенькам первая, подаю руку Кларе. Мы проходим к свободной лавке напротив этих двух, и неприятности начинаются тут же — вполне ожидаемо.

Краснолицая сразу же тянется к Кларе, хватая за край плаща:

— Ого, какая барышня нарядная... Плащик-то шерстяной, тёпленький... Отдай, а?

— Не трогайте её! — говорю резко, отстраняя её руку.

Женщина оборачивается, смотрит на меня оценивающе, прищуривается:

— А ты кто такая, ишь защитница нашлась!

— Не твоё дело! — отвечаю холодно. — Руки убери.

— У тебя, я смотрю, — она кивает на мою оцарапанную щёку, — норов крепкий, уже проучил кто? Ты мне тоже сейчас плащик отдашь, вон, подружка моя мёрзнет...

— Я сломаю тебе нос, а твоей подружке выбью ещё один зуб, — жёстко улыбаюсь, глядя ей в глаза. — Только сунься, сука, будешь хлюпать кровью до самой Пустоши...

Она фыркает, но отступает, оказывается трусливее, чем я подумала. Худая подобострастно хихикает:

— Ладно, Лин, потом отнимем, когда эти две заснут...

Садимся на жёсткую скамейку напротив двух испепеляющих нас взглядами женщин, Клара прижимается ко мне и дрожит.

— Спасибо, леди Ренфорд... — в её голосе страх и благодарность. — Я глаз не сомкну, буду следить за ними...

Стражник, молча наблюдавший за нашей «трогательной встречей» с новыми сокамерницами, ухмыляется и запирает замок клетки.

Из клетки прекрасно видно, как в каждой повозке вперёд к вознице подсаживается вооружённый охранник, а откуда-то из-за угла выезжает ещё двое конных стражей.

— Готово, — кричит стражник. — Трогай!

Скрипят ворота, повозка дёргается.

Сопровождаемые вооружённой до зубов охраной мы начинаем наш путь.

«От таких будет сложновато сбежать, но я постараюсь...»

Едем долго, весь день. Сначала по городу, где ранним утром на улицах открывают свои палатки торговцы едой, снуют мальчишки с газетами, метут улицы дворники. Все плятятся на нас, и Клара прячет лицо, забивается в самый угол. Я же пытаюсь незаметно напрягать мышцы: то на руках, то на ногах, доверия к двум сокамерницам у меня нет, а из Клары подмога слабая.

Моё новое тело молодое, сильное. Мышцы ног привыкли к физическим нагрузкам: лестницы в замке, катания на лошадях, а вот руки слабоваты, только игры с деревянным мечом да кожаным мячом в детстве и юношестве. Мать говорила: «Негоже знатной леди играть в рыцарей с простолудинами. Леди пристало вышивать и готовиться к академии...» В общем, база неплохая, тело крепкое, но не помешали бы упражнения и тренировки.

Повозку продолжает трясти, а я... смотрю во все глаза, вдыхаю запах городка, и, несмотря на ситуацию, в которую попала, чувствую интерес к этой новой жизни и думаю, что оказалась в путешествии, которое всё откладывала.

Сначала работа, потом развод и болезнь матери одновременно, потом снова работа и поиски Леры, а мечты о поездке в другую страну остались лишь мечтами.

Что у меня было? Только работа. Ни семьи, ни друзей, ни даже кота. Как можно позволить себе всё это, если ты находишься под прикрытием по полгода? Даже Андрей, работавший в полиции, не выдержал и ушёл от меня в уютный быт с борщами и булочками бухгалтера Натальи. И я его не виню, я всё понимаю...

Пока размышляю о прежней жизни, мы выезжаем из города, проезжаем одну деревню, вторую, едем по лесу.

«Самый настоящий дремучий лес», — разглядываю густые кроны деревьев, что смыкаются над укатанной дорогой.

Лошади мчат как бешеные, скорость приличная, километров сорок-сорок пять в час, и я вспоминаю, что это особая дуранская порода, славящаяся своей выносливостью и скоростью. Повозку нещадно трясёт, асфальта в этом мире нет, а об удобстве заключённых никто заботиться не будет: нет ни одного поручня, и мы с Кларой вцепились в прутья клетки, чтобы не упасть и не биться о стенки.

Сзади едет ещё одна тарантайка — такая же, но с мужчинами. Видно через решётку: там человек восемь, может, десять. На повороте слышно, как они свистят, улюлюкают, кричат нам непристойности.

— Эй, красотки! — ревёт патлатый верзила. — Сладкие блудницы! Приедем в Пустошь — навестим вас! Ох охоч я до девок-то!

Худая с выбитым зубом ухмыляется, прислоняется к решётке и кричит в ответ:

— Зови как хочешь, милоч! Денег за мои услуги у тебя всё равно нет! А я бесплатно мужиков не убажжаю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.